

Правильный путь - безопасный путь, подтвержденный эмансипацией в Британской Вест-Индии и в других местах

Лидия Мария Чайлд

THE
RIGHT WAY THE SAFE WAY,
PROVED BY
EMANCIPATION IN THE BRITISH WEST INDIES,
AND ELSEWHERE.
BY L. MARIA CHILD.

"The world is beginning to understand, that injuring one class, for the immediate benefit of another, is ultimately injurious to that other; and that to secure prosperity to a community, *all* interests must be consulted."—*Dr. Dwy.*

NEW YORK:
PUBLISHED AND FOR SALE AT 5 BEEKMAN STREET,
1862.

Электронная книга проекта "Гутенберг" о правильном и безопасном пути

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Правильный путь, Безопасный Путь

Адаптер: Лидия Мария Чайлд

Дата выхода: 20 сентября 2015 г. [Электронная книга № 50020]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ, БЕЗОПАСНЫЙ ПУТЬ" ***

Примечание переписчика:

Добавлено оглавление.

Очевидные типографские ошибки были исправлены.

ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ, БЕЗОПАСНЫЙ ПУТЬ,

ДОКАЗАНО ЭМАНСИПАЦИЕЙ В БРИТАНСКОЙ ВЕСТ-ИНДИИ И ДРУГИХ МЕСТАХ.

АВТОР: Л. МАРИЯ ЧАЙЛД.

"Мир начинает понимать, что причинение вреда одному классу ради непосредственной выгоды другого в конечном итоге наносит ущерб этому другому; и что для обеспечения процветания общества необходимо учитывать интересы *всех*". —*Доктор Дэви*.

НЬЮ-ЙОРК:

ОПУБЛИКОВАНО И ВЫСТАВЛЕНО На ПРОДАЖУ По АДРЕСУ БИКМАН-СТРИТ, 5.
1862 год.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ВЕСТ-ИНДИЯ ДО ОТМЕНЫ РАБСТВА.	3
II. АНТИГУА, ПОСЛЕ НЕМЕДЛЕННОЙ И БЕЗОГОВОРЧНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ.	12
III. НАВЕТРЕННЫЕ ОСТРОВА, ВО ВРЕМЯ УЧЕНИЧЕСТВА — СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЛАНТАТОРОВ БАРБАДОСА, 1837 ГОД.	29
IV. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВЕСТ-ИНДИИ С 1840 По 1859 ГОД.	38
Против ЯМАЙКА.	54
VI. ЭМАНСИПАЦИЯ БЕЗОПАСНА ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ.	86
VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.	94
ПРИЛОЖЕНИЕ. В КОТОРОМ ЗАЯВЛЕНИЯ СВОДЯТСЯ К КОНЦУ 1860 ГОДА.	97

ГЛАВА I. ВЕСТ-ИНДИЯ ДО ОТМЕНЫ РАБСТВА.

Общепринято считать, что Британская Вест-Индия была кладезем богатств до отмены рабства, а после этого события пришла в упадок. Чтобы исправить эти ошибочные впечатления, я тщательно собрал следующие факты из достоверных источников: —

Официальные отчеты, возвращенные в британский парламент, доказывают, что крики о разорении в Вест-Индии начались задолго до отмены рабства и даже до отмены *торговли рабами*; более того, мы никогда не должны забывать, что эти крики относились исключительно к разорению *хозяев*; никто и не подумал о разорении их 800 000 рабочих.

Еще в 1792 году в отчете парламенту говорилось, что в течение предыдущих двадцати лет сто семьдесят семь поместий на Ямайке были проданы для выплаты долгов; возделывание пятидесяти пяти было прекращено; девяносто два находились в руках кредиторов; и 80 021 казнь на сумму 22 500 000 фунтов стерлингов (109 012 500 долларов) была подана в канцелярию главного маршала. В 1805 году Отчеты описывали положение плантаторов Вест-Индии как "растущее смущение и надвигающееся разорение". Отчеты за 1807, 1808, 1812, 1830 и 1832 годы были еще более плачевными. В 1830 году, за четыре года до эмансипации, лорд Чандос представил парламенту петицию плантаторов и торговцев Вест-Индии, в которой говорилось о "крайнем бедствии, в котором они находились". В своей речи в поддержку петиции он сказал: "Они доведены до состояния, в котором они обязаны искренне просить помощи у парламента. Они больше не в состоянии противостоять такому давлению". Мистер Брайт сказал: "Бедственное положение вест-Индских колоний не имеет аналогов в стране. Многие семьи,

которые раньше жили в сравнительном достатке, доведены до абсолютной нищеты". Вест-Индский репортер также процитировал таким образом отчет о коммерческом состоянии колоний: "Существуют убедительные совпадающие свидетельства и доказательства того, что, если не будут приняты какие-либо быстрые и эффективные меры помощи, неизбежно произойдет разорение большого числа плантаторов". Способный автор в *Edinburgh Review* сообщает нам, что "На маленьком острове Сент-Люсия в 1833 году был учрежден Суд по обремененной недвижимости, и, как бы ни был мал этот остров, [1] за первые восемнадцать месяцев были зарегистрированы обязательства на огромную сумму в 1 089 965 фунтов стерлингов (5 280 880 долларов); *все долги, возникшие при рабстве*. Этот остров не был одинок. На каждом из них царил одно и то же положение вещей". Количество рабочих быстро сокращалось. *Edinburgh Review* заявляет: "Что нанесло смертельный удар рабству в сознании британских государственных деятелей, так это ужасающий факт возвращения населения всего из одиннадцати колоний, показавший, что за двенадцать лет число рабов сократилось на 60 219. Если бы аналогичные доходы были получены от других семи колоний, они должны были бы уменьшиться немногим, если вообще уменьшились, менее чем на 100 000 человек. Если бы такие же темпы сокращения продолжались, через столетие произошло бы исчезновение рабства за счет вымирания самих рабов". [2] Производство также сокращалось. Таблица экспорта, приведенная в Приложении к работе г-на Бигелоу о Ямайке, показывает, что за десять лет, закончившихся 1830 годом, на этом острове было произведено на 201 843 бочки сахара меньше, чем за десять лет, закончившихся 1820 годом. Принимая во внимание эти и подобные факты, "*Эдинбург Ревью*" пишет: "Очевидно, что искусственное, произвольное вмешательство закона в свободу человека и свободу торговли привело к вымиранию рабочего класса и привело их хозяев к полному разорению".

В то время, когда плантаторы жаловались на такие чрезмерные неудобства, у них была монополия на рынок сахара в Великобритании, настолько близкая, что даже колониям Ост-Индии не разрешалось конкурировать с ними; монополия, которая ежегодно обходилась потребителям в 25 000 000 долларов. Они не платили жалованья своим работникам и снабжали их лишь тряпками, чтобы обвязывать чресла, и достаточным количеством грубой пищи, чтобы поддерживать их в рабочем состоянии. И все же, хотя они производили на плодородной почве основные товары торговли, не оплачивая труд и получая огромную премию от потребителей в Великобритании, они были настолько близки к "разорению", что были вынуждены "серьезно просить помощи у парламента".

Несколько фактов помогут объяснить эту очевидную аномалию. Во-первых, система рабства противоречит всем законам человеческой природы и, следовательно, содержит в себе семя окончательной гибели. Это отнимает движущую силу у рабочих, которые, естественно, желают увильнуть как можно больше от работы, которая не приносит им никакой оплаты; следовательно, необходимо нанять надсмотрщиков и водителей, чтобы вытеснить из них нежелание трудиться. Это делает их равнодушными к уничтожению собственности в поместьях, в процветании которых они не заинтересованы. Это стимулирует их к воровству постоянными лишениями, от которых у них нет надежды на облегчение. Это убивает их изобретательность и предприимчивость, делая их совершенно неспособными к какому-либо улучшению их собственного положения; в то время как все их способности притуплены крайним невежеством, в котором они неизбежно должны содержаться, чтобы попасть в рабство. Воздействие на белое

население столь же пагубно, хотя и по-другому. Рабство неизбежно приводит к деградации труда, и, следовательно, для них жить в праздности - предмет гордости. Разумеется, за этим следуют расточительность и расточительство. Все, кто изучал этот предмет, знают, что невоздержанность, распущенность и азартные игры страшно распространены в рабовладельческих странах. Одного намека будет достаточно, чтобы предположить аморальное состояние Вест-Индии во времена рабства. Хорошо известный факт, что белые подчиненные, нанятые плантаторами, были очень склонны потерять свое положение, если они вступали в брак; потому что в интересах владельцев было заставить их жить с рабами и растить рабочих для поместий. Что же касается рабов, то, поскольку на них смотрели как на животных и обращались как с живым скотом, они неизбежно жили как животные. Скромность и самоуважение были невозможны в их жестоком состоянии. В этом Трактате я просто стремлюсь представить *деловой* взгляд на предмет. Поэтому я не буду описывать жестокости, которые постоянно практиковались и которые постоянно возбуждали худшие страсти как хозяев, так и рабов. Зафиксированные варварства были теми же, которые всегда *должны* преобладать при системе принудительного труда и безответственной власти.

В дополнение к неизбежным расходам и неизбежному ухудшению состояния, связанным с самой природой рабства, плантаторам Вест-Индии приходилось бороться с еще одной трудностью. "Почти все сахарные плантации принадлежали отсутствующим лицам, большая часть из которых никогда не ступала на острова". Это потребовало найма менеджеров и адвокатов для присмотра за собственностью. Мистер Бигелоу подсчитал, что среднегодовые расходы на недвижимость составили 3000 долларов исключительно на оплату отсутствия владельца. Преподобный Генри Блеби, который был миссионером в Вест-Индии до эмансипации и жил там с тех пор, говорит: "Давайте посмотрим на состояние вест-индского поместья в условиях рабства. Рабов было четыреста или пятьсот. Правда, на их пропитание тратилось немного, но их хозяева должны были снабжать их таким количеством ярдов ткани в год и несколькими другими мелкими предметами. Это была одна из статей расходов. Затем, чтобы контролировать труд этих рабов, должно было быть четыре бухгалтера, как их называли; один присматривал за перегонным кубом, другой - за кипяtilей, третий - за скотом в поместье, а третий, иногда двое или трое других, присматривал за людьми в поле. Всех их нужно было кормить и оплачивать. Затем был надсмотрщик со своим гаремом, живущий за счет значительных средств из поместья и с высокой зарплатой. Над всем этим надзирал поверенный, который получал комиссионные со всего, что производилось в поместье, и жил в большом доме со своими слугами и гаремом. Затем был владелец, живущий со своей семьей по-королевски, во Франции или Англии. Все это должно было быть получено из продуктов одного поместья! Я хотел бы знать, есть ли какая-нибудь собственность, которая не была бы доведена до разорения, когда так много людей живут на ней и вне ее".

Все знают, как заботятся о собственности, когда за ней некому присматривать, кроме наемных работников. Все сообщения о Вест-Индии изобилуют жалобами владельцев на небрежность, расточительность и мошенничество их подчиненных. Основной целью было накопление заработной платы, поэтому один управляющий часто управлял многими поместьями. Доктор Дэви в своей работе о Вест-Индии говорит о двадцати трех поместьях на Монтсеррате, управляемых одним агентом. Он сообщает, что девятнадцать из них "недостаточно окультурены" или "заброшены", что ни в коей мере не удивительно при данных обстоятельствах.

Мистер Бигелоу познакомился на Ямайке с джентльменом, который приехал из Англии, чтобы выяснить, почему он постоянно вкладывает все больше и больше денег в свое поместье. Наведя справки, он выяснил, что его управляющий жил в шестидесяти милях от поместья и никогда его не видел.

При таком истощении своих доходов собственники, конечно, были вынуждены постоянно занимать деньги. Год за годом между ними и лондонскими купцами велась азартная игра. Торговец ссужал деньги плантатору при условии, что вся продукция поместья будет отправлена в его дом и что у него будет куплено все, что необходимо в поместье для его рода деятельности. Торговец назначал за свои собственные изделия такую цену, какую ему было угодно, и брал такие комиссионные, какие ему было угодно, за продажу продукции. "Таким образом, - говорит мистер Бигелоу, - свеча плантатора горела с обоих концов". Если случался ураган, или сильная засуха, или восстание рабов, которое приводило к неурожаю, собственник был обязан заложить свои земли, чтобы получить необходимый запас денег. Таким образом, огромное количество поместий перешло в руки британских купцов, и в дополнение к другим расходам им приходилось выплачивать большие проценты.

Таково было положение вещей, когда британский народ, не подозревавший об этом финансовом хаосе и руководствующийся исключительно соображениями справедливости и гуманности, выдвинул идею отмены рабства. Когда плантаторам стало известно, что эта мера может быть принята, они встретили ее яростной бурей сопротивления. Они охарактеризовали это как "дерзкое вмешательство в их права" и пригрозили выйти из состава британского правительства, если проект не будет свернут. И все же они просили помощи; любой помощи, кроме помощи от разрушительной системы, которая поставила их на грань разорения. На *это* они поклялись, что никогда не подчинятся. Миссионеры, которые отправились в Вест-Индию, чтобы давать рабам религиозные наставления, подверглись нападению с помощью кирпичных бит и были заключены в тюрьму под ложным предлогом. Их дома подверглись нападению, а часовни разрушены. Был создан Колониальный союз, целью которого было изгнать всех негритянских инструкторов. Тех в Англии, кто стремился помочь делу освобождения, ненавидели с непостижимой силой. Женщины Вест-Индии выражали желание заполучить Уилберфорса, "чтобы вырвать у него сердце". К этим гневным выкрикам примешивались всевозможные прискорбные предсказания относительно разорения, которое "фанатичные филантропы" навлекли на Колонии. Они сказали, что если их безумные замыслы будут приведены в исполнение, то всем мастерам перережут глотки, а их дома сожгут. Что их, казалось, особенно беспокоило, так это то, что "негры никак не могли позаботиться о себе сами". Они были слишком ленивы, чтобы работать без кнута. Они убегали в леса и жили там, как животные. Те немногие, кто, возможно, был бы готов работать, были бы ограблены другими; это привело бы к постоянным боям и чудовищной резне. Тысячи людей также умерли бы от болезней, от недостатка заботы своих хозяев. Короче говоря, все черные и белые были бы поглощены одной огромной пропастью быстрого уничтожения.

Колониальная пресса, конечно же, была на стороне рабства. Имели место всевозможные попытки замалчивания правды и распространения всевозможной лжи по этому вопросу. Но, несмотря на все эти препятствия, работа по реформированию продвигалась медленно и неуклонно. Потребовалось двадцать лет каторжного труда и яростной агитации, чтобы отменить *торговлю*; затем одиннадцать лет, еще более бурных, чтобы отменить *систему*. Но, наконец, Акт об освобождении был принят и вступил в силу в 1834 году. Рабы ничего не

получали от британского правительства за столетия безответного труда. Но 20 000 000 фунтов стерлингов (96 900 000 долларов) были выплачены хозяевам за то, что они прекратили принуждать к труду плетью. Это называлось компенсацией. С идеей подготовки рабов к свободе Акт Эмансипации, к сожалению, был загроможден Системой ученичества, в соответствии с которой было предписано, что освобожденные рабочие должны были шесть лет работать на своих хозяев без заработной платы, как и раньше. Но они должны были работать по девять часов в день вместо двенадцати; и у них должна была быть половина пятницы и вся суббота в их распоряжении. Право наказывать также было отнято у хозяев и передано магистратам. Домашние рабы должны были стать полностью свободными в 1838 году, а полевые рабы - в 1840 году.

Людей, давно привыкших к произвольной власти, нелегко убедить в том, что отказ от ее осуществления является одновременно правильным и политичным. Более того, все мы, в большей или меньшей степени, являемся порождениями обычаев и предрассудков. Поэтому неудивительно, что большая часть плантаторов была против эмансипации до тех пор, пока насыщенный событиями кризис фактически не миновал. Вплоть до последнего месяца они протестовали, угрожали и умоляли правительство Метрополии не подвергать их такому неизбежному уничтожению. Многие разумные и добрые люди среди них думали иначе. Они были убеждены, что нынешняя система, несомненно, приносит разорение Колониям, и они были убеждены, что ничто худшее не может прийти ей на смену. Их вера в безопасность эмансипации была частично основана на общих принципах человеческой природы, а частично на их экспериментальном знании покорности негров при справедливом и гуманном обращении. Но, однако, очень немногие из этих людей осмеливались высказывать подобные мнения; ибо общество находилось в таком возбужденном состоянии, что они были уверены, что пострадают за это в той или иной форме.

Мистер Джеймс Скотленд из Сент-Джонса, Антигуа, сказал мистеру Тому: "Тот, кто был известен или подозревался в том, что является защитником свободы, становился объектом мести и наверняка страдал от потери бизнеса, если не от чего-либо другого. Были предприняты все попытки лишить моего сына адвокатского бизнеса; и я был брошен в тюрьму без какого-либо судебного разбирательства или какой-либо возможности сказать хоть слово в свою защиту. Там я оставался до тех пор, пока меня не уволили по безапелляционному приказу министра по делам колоний, к которому я обратился за помощью. Мнения священнослужителей и миссионеров, за исключением нескольких представителей духовенства, были благоприятны для эмансипации; но ни в своем поведении, ни в проповедях, ни в молитвах они открыто не заявляли о себе до тех пор, пока не была определена мера отмены. Миссионеры чувствовали себя скованными инструкциями из дома, а духовенство считало, что участие в политике не соответствует их уставу. Я никогда не слышал ни об одном плантаторе, который был бы благосклонен, примерно за три месяца до того, как произошла эмансипация; когда некоторые из них начали понимать, что это было бы выгодно для их интересов".

Мистер Том в своей работе о Вест-Индии говорит: "Нам сообщили, что незадолго до отмены рабства в Сент-Джонсе было созвано собрание влиятельных людей Антигуа, чтобы увековечить память парламента, выступающего против отмены рабства. Когда собрание было созвано, почетному сэмуэлю О. Байджеру, который был лидером оппозиции, было предложено предложить план процедуры. К ужасу собравшихся на митинге сторонников рабства, их лидер поднялся и произнес следующую речь: "Джентльмены, мои предыдущие мнения по этому

вопросу всем вам хорошо известны. Не удивляйтесь, узнав, что они претерпели кардинальные изменения. Я не менял свои взгляды без обдумывания. В течение нескольких прошедших дней я производил расчеты относительно вероятных результатов эмансипации; и я, вне всякого сомнения, убедился, что свободным трудом я могу обрабатывать свое поместье по меньшей мере на треть дешевле, чем рабским. "Достопочтенный джентльмен продолжил излагать детали своих расчетов и представил ряд финансовых соображений, совершенно новых и внушительных для большинства собрания. После того, как он закончил свои замечания, мистер С. Шэндс, член Собрания и богатый владелец, заметил, что он придерживается точно таких же взглядов, что и только что высказанные; но он считает, что достопочтенный джентльмен поступил неразумно, высказав их столь публично; поскольку, если эти чувства дойдут до ушей парламента, это может побудить их отказать в компенсации. Полковник Эдвардс, член Ассамблеи, встал и сказал, что он давно был против рабства, но не осмеливался открыто заявить о своих чувствах".

Когда вопрос был вынесен на рассмотрение Колониальной ассамблеи, последовали аналогичные обсуждения. Теперь отмена рабства считалась неизбежной. Единственной альтернативой, представившейся колонистам, была система ученичества, или немедленное, безоговорочное освобождение. Когда вопрос коснулся этого вопроса в Ассамблее Антигуа, оба органа *единогласно* приняли законопроект в пользу *немедленной эмансипации*; на том основании, что это была самая мудрая *политика*.

Первое августа 1834 года было назначено парламентом на день вступления в силу Закона об отмене смертной казни. По мере приближения этого времени тяжелая туча нависла над умами большей части белого населения. Торговец из Сент-Джонса рассказал мистеру Тому, что несколько американских судов, стоявших в гавани, снялись с якоря 31 июля, действительно опасаясь, что остров будет разрушен на следующий день; и они искренне умоляли торговца бежать с ними, если он дорожит своей жизнью. Многие плантаторы считали, что после освобождения будет небезопасно выходить на улицу вечером. Некоторые робкие семьи не решались лечь спать в ночь на 31-е число. Они с тревогой ждали полуночи, опасаясь, что тот же самый колокол, который возвещал "Свободу по всей стране, всем ее жителям", послужит сигналом к всеобщему пожару и резне белых жителей. [3]

СНОСКИ:

[1] По размерам он примерно равен восьми обычным городам Новой Англии.

[2] Из этого утверждения не следует делать вывод, что система рабства в Вест-Индии была более жестокой, чем в других колониях и штатах, выращивающих сахар. Везде, где рабским трудом производится сахар, жизнь негров всегда подвергается ужасному разрушению из-за крайне тяжелой работы, продолжающейся днем и ночью в течение определенного сезона сбора урожая.

[3] В то время на Антигуа насчитывалось 1 980 белых; 29 537 рабов; и 3 895 свободных цветных людей.

ГЛАВА II. АНТИГУА, ПОСЛЕ НЕМЕДЛЕННОЙ И БЕЗОГОВОРЧНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ.

Когда 31 июля 1834 года часы *начали* бить двенадцать, на острове Антигуа насчитывалось почти 30 000 рабов; когда они *перестали* бить, все они были свободными людьми!

Я извлекаю из "Вест-Индии" Тома следующий отчет об этом славном переходе: "Уэсли соблюдали "ночной дозор" во всех своих часовнях. Один из миссионеров рассказал нам о собрании стражи в часовне Святого Иоанна. Просторный дом был заполнен кандидатами на свободу. Все были оживлены и полны энтузиазма. Могучий хор голосов наполнил песню ожидания и радости; и когда они объединились в молитве, голос лидера потонул во всеобщих возгласах благодарения, хвалы, благословения, чести и славы Богу, который сошел для их освобождения. В таких упражнениях прошел вечер, пока не приблизилось время двенадцати. Затем миссионер предложил, чтобы, когда соборные часы начали бить, вся паства упала на колени и в тишине приняла дарование свободы. Соответственно, когда громкий колокол отзвучал свою первую ноту, переполненное собрание пало ниц. Все погрузилось в тишину! за исключением дрожащего, полузадушенного дыхания борющегося духа. Медленно бой часов донесся до ожидающей толпы. Перезвон за перезвоном, перезвон за перезвоном прокатывались над распростертой толпой, словно голоса ангелов, будоража струны их усталых сердец. Едва прозвучал *последний* гудок, как ярко сверкнула молния и по небу прокатился громовой раскат. Это был Божий огненный столп! Его Юбилейная труба! За этим последовала минута глубокого молчания. Затем последовал взрыв гнева! Они кричали: "Слава! Аллилуйя!" Они хлопали в ладоши, они подпрыгивали, они падали, они сжимали друг друга в свободных объятиях, они плакали, они смеялись, они ходили взад и вперед, вскидывая вверх свои свободные руки. Высоко над всем этим то и дело раздавался могучий звук. Это было возгласом благодарности Богу на ломаном негритянском диалекте.

"После того, как этот порыв возбуждения иссяк, прихожане успокоились, и религиозные обряды возобновились. Остаток ночи был проведен в пении и молитве, чтении Библии и выступлениях миссионеров, объясняющих природу только что полученной свободы и призывающих людей быть трудолюбивыми, стойкими и послушными законам, а также проявлять себя во всем достойными высокого дарования, дарованного им Богом.

В пятницу наступило первое августа, и было объявлено об освобождении от всех работ до следующего понедельника. Большая масса негров проводила день главным образом в церквях и часовнях. Духовенство и миссионеры по всему острову активно воспользовались возможностью, чтобы просветить людей обо всех обязанностях их новых родственников. Нас заверили, что во всех кварталах этот день был подобен субботе. Воистину суббота! когда "нечестивые перестали беспокоить, а усталые обрели покой", многие плантаторы сообщили нам, что они пошли в часовни, где собрались их соплеменники, пожали им руки и обменялись сердечными добрыми пожеланиями.

"В Грейс-Хилл, моравской миссионерской станции, освобожденные негры попросили устроить встречу на рассвете первого августа, как они привыкли проводить на Пасху; и поскольку это было пасхальное утро их свободы, просьба была удовлетворена. Все люди были одеты в белое и рука об руку направились к часовне. Там все прихожане, преклонив колени, исполнили благодарственный гимн. Пение часто прерывалось слезами и всхлипываниями растаявших

людей, пока, наконец, их не захлестнул шквал эмоций. Присутствовавший при этом миссионер сказал, что сцена была неопишуемой.

"Плантаторы и миссионеры во всех частях острова рассказывали нам, что здесь не было ни единого танца ни днем, ни ночью; даже скрипки почти не играли. Не было ни пьяных кутежей, ни буйных собраний. Эмансипированные были так же далеки от распутства, как и от насилия и резни. Благодарность была всепоглощающим чувством. С вершин холмов и долин вознесся крик вырвавшегося из плена народа, подобный журчанию множества вод: "Слава Богу! Слава Богу!"

"Доктор Дэниэлл, который долгое время жил на Антигуа и управлял несколькими поместьями, сказал нам, что после такой поразительной перемены в положении негров он ожидал, что последуют некоторые нарушения. Он ожидал некоторого отдыха от труда в течение недели, последовавшей за освобождением. Но в понедельник утром он обнаружил, что все его рабочие на поле; ни один не пропал. В тот же день он получил сообщение из другого поместья, владельцем которого он был, что негры все до единого отказались выходить в поле. Он немедленно поехал в поместье и обнаружил, что рабочие с мотыгами в руках ничего не делают. Дружески обратившись к ним, он спросил: "Что все это значит? Как получилось, что ты сегодня утром не на работе? Они немедленно ответили: "Это не потому, что мы не хотим работать, масса; но мы хотели увидеть вас, в первую очередь, чтобы узнать, какой будет сделка ". Как только этот вопрос был улажен, все негры вышли бодрыми, без малейших придиорок. мистер Борн, управляющий поместьем Миллара, сообщил нам, что самая большая банда, которую он когда-либо видел в поле, на его территории, появилась через неделю после освобождения ".

Во времена рабства всегда было принято отдавать приказы ополчению во время рождественских праздников, когда негры имели обыкновение собираться в большом количестве, чтобы насладиться празднествами сезона. Но в декабре, после эмансипации, губернатор издал прокламацию о том, что "в связи с отменой рабства" больше нет необходимости принимать эти меры предосторожности. И это факт, что с того дня и по сей день на Рождество не было ни одного солдата. Законодательный орган Антигуа впоследствии принял "Закон о лучшей организации ополчения", преамбула которого гласит следующее: "Принимая во внимание, что *отмена рабства* на этом острове делает целесообразным предотвращение *ненужного увеличения* ополчения" и т.д. На общественную безопасность и доверие также красноречиво указывало следующее военное объявление 1836 года: "Требуются новобранцы! Освобожденные мужчины Антигуа теперь призваны выразить свою благодарность королю Вильгельму за те блага, которые он даровал им и их семьям, добровольно предложив свои услуги в качестве солдат в его Первом Вест-Индском полку. Делая это, они приобретут еще более высокое положение в обществе, будучи поставлены в совершенно равные условия с другими войсками на службе его величества и будут получать те же награды, жалованье, одежду, пайки и довольствие ".

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЛАНТАТОРОВ На АНТИГУА В 1837 ГОДУ.

Преподобный Джеймс А. Том, сын рабовладельца из Кентукки, посетил Британскую Вест-Индию осенью 1836 года и вернулся в эту страну летом 1837 года. Вскоре после этого он опубликовал книгу, из которой я привожу следующие выдержки:

"Мы доставили рекомендательное письмо мистеру Джеймсу Хауэллу, управляющему поместьем Тибо Джарвиса. Он рассказал нам, что до того, как произошла эмансипация, он был категорически против нее, поскольку крайне не желал отказываться от своей власти командовать. "Но, - сказал он, - я никогда не забуду, как по-другому я чувствовал себя, когда обрел свободу. Я вскочил с постели, восклицая: "Я свободен! Я свободен! Я был самым большим рабом в поместье, а теперь я свободен". Он сказал, что плантаторы, сохранившие свои суровые манеры, не преуспели при новой системе; но у него никогда не возникало никаких трудностей в управлении своими людьми. На собственном опыте он убедился, что доброта и терпимость наделяют его достаточным авторитетом. Численность работников в поместьях, которыми он управлял, была значительно сокращена, [4] но земли никогда не были в более прекрасном состоянии обработки, чем в настоящее время. Он сказал, что будет неурожай, но не по какой-либо вине работников, а из-за более продолжительной засухи, чем он знал за тридцать шесть лет. Он сказал: "Когда моя работа отстает в развитии, я распределяю ее по заданиям; и это всегда выполняется в два раза быстрее обычного. Эмансипация почти полностью положила конец хандре или притворству больной. Это было то, что доставляло массу неприятностей во времена рабства. Регулярно каждое утро в понедельник я заставлял у дверей человек десять или дюжину, ожидающих моего первого появления, чтобы попросить отпустить их с работы по болезни. Редко случалось, чтобы четвертая часть из них действительно была нездорова; но каждый утверждал, что он болен; и так как с ними было трудно бороться, их отправляли в лазарет. Теперь с этим покончено. Больницы во многих поместьях используются по другому назначению. Моя переоборудована в часовню. Поначалу негры проявляли некоторую склонность напускать на себя вид независимости; но это вскоре исчезло. Они всегда уважительны в своих манерах. В частности, произошло взаимное улучшение. Плантаторы относятся к своим работникам больше как к ближним, а это, в свою очередь, побуждает их проявлять уважение. Теперь у них растет уважение к характеру; чувство, незнакомое им во времена рабства. Их религиозное и моральное состояние раньше было очень низким, несмотря на усилия миссионеров; но теперь оно быстро улучшается.

Мистер Армстронг, управляющий поместьем Фитчз-Крик, сказал нам: "Во время рабства я часто лежал без сна в своей постели, думая о своем опасном положении; единственный белый человек на территории, вдали от помощи и в окружении рабов. Я часами разрабатывал планы обороны на случай, если негры нападут на мой дом. Я сказал себе, что стрелять по ним бесполезно. Моей единственной надеждой было напугать суеверных людей, накрывшись белой простыней и ворвавшись в самую гущу их, подобно призраку. Но теперь я абсолютно уверен в своих людях. Сейчас у них нет *мотива* подталкивать их к восстанию. Они проявляют большую проницательность во всем, что касается их собственных интересов. Они очень точно ведут свои счета с менеджером. Для постороннего человека должно быть невероятным, как они ухитряются жить на такую маленькую зарплату. "Мистер А. сообщил нам, что дух предприимчивости, ранее дремавший на Антигуа, пробудился после эмансипации. Плантаторы теперь начинали интересоваться наилучшими способами возделывания и предлагать меры общего улучшения. Одной из таких мер было создание Свободных деревень, в которых могли проживать рабочие из всех соседних поместий, выплачивая небольшую арендную плату. Недвижимость подорожала, и торговый бизнес значительно улучшился. Несколько миссионеров присутствовали при нашей беседе с мистером А.; и вся компания сердечно присоединилась к заверениям нас, что знание о фактической работе по отмене смертной казни на Антигуа было бы в целом благоприятным для дела свободы. Все они согласились, что чем

полнее мы будем знать факты по делу, тем более полной будет наша уверенность в *немедленном* освобождении.

- К нам заходил доктор Фергюсон из больницы Святого Иоанна. Он член Ассамблеи и один из первых врачей на острове. Он сказал, что ему всегда казалось, что если человек миролюбив, пока он раб, то он непременно будет таким, когда станет свободным человеком. Но хотя он ожидал благотворных результатов от отмены рабства, реальность превзошла его самые оптимистичные ожидания. Если бы не беспрецедентная засуха, остров сейчас находился бы в состоянии процветания, не имеющего аналогов ни в один период его истории. Торговый бизнес города поразительно вырос. Он думал, что количество магазинов увеличилось в соотношении десять к одному. Механические занятия также были в расцвете сил. Общий дух предприимчивости пронизывал остров. Улицы и дороги в городе и округе были значительно улучшены. Моральный облик белого населения улучшался; одним из доказательств этого было то, что старый обычай сожительства приобретал дурную славу. Эмансипация работала превосходно, особенно для плантаторов. Репутация острова определенно улучшилась. Немедленная свобода была бесконечно лучшей политикой, чем рабство или ученичество.

"Мы посетили поместье Грин Касл, примерно в трех милях от Сент-Джонса. Управляющий, Сэмюэл Барнард, эсквайр, принял нас любезно. Он прожил на острове сорок четыре года, занимаясь управлением поместьями. Сейчас он владелец одного поместья, управляющий двумя и поверенный шести. Он состарился на практике рабовладения и пережил крушение системы. Лишенный произвола, он теперь живет среди освобожденных людей, которые когда-то были его рабами, в доме, где его дед был убит в своей постели своими рабами. Свидетельство такого человека бесценно. Он сказал, что переход от рабства к свободе подобен внезапному выходу из темного подземелья на солнечный свет. Он считал, что Ассамблея поступила мудро, приняв решение о *немедленной* эмансипации. Таким образом, удалось избежать бесконечных препирательств и неприятностей, связанных с системой ученичества. Негры, получив свободу, не устраивали беспорядков; и у него не возникало трудностей с их работой. Некоторые поместья пострадали на короткое время. В течение месяца или двух наблюдались довольно общие колебания из-за того, что работники покидали одно поместье и переходили в другое; но это было потому, что плантаторы перекупали друг друга, чтобы заполучить лучших рабочих. Негры были очень сильно привязаны к своим домам и редко покидали их, если только с ними не обращались жестоко. Очень немногие из его соплеменников покинули его. Были некоторые неудобства, связанные с нынешней системой, но они были несравненно меньше, чем те, что были связаны с рабством.

"Доктор Дэниэлл, управляющий поместьем Уэзерилл, уже давно проживает на Антигуа и досконально знаком с ее внутренней политикой. Он является членом Совета, владеет поместьем, управляет другим и является адвокатом шестерых. Поскольку он является видным членом одной из ветвей организации, которая немедленно обеспечила освобождение рабов, его показания имеют большой вес. Он сказал: "Мы все яростно сопротивлялись отмене смертной казни, когда в Англии начались волнения по этому поводу. Мы расценили это как возмутительное вмешательство в нашу собственность и наши права. Но теперь мы рады, что рабство отменено ". Он не думал, что система ученичества имеет какую-либо тенденцию готовить рабов к свободе. Произвольный контроль хозяина никогда не мог быть подготовкой к свободе. Разумные юридические ограничения были единственной подготовкой. Ученичество раздражало и изводило негров и держало их в состоянии неизвестности. Мысль о том, что их

обманом лишили ожидаемой свободы на шесть лет, отравит им душу; и когда они наконец получают свободу, у них будет меньше шансов быть благодарными. Плантаторы на Антигуа обеспечили привязанность своего народа, даровав ему немедленную эмансипацию. Недостатка в рабочей силе не было. Поместья по всему острову никогда не были в более продвинутом состоянии. Не требовалось ничего, кроме дождя. Он часто нанимал своих людей на работу, на короткие периоды, и всегда с удовлетворительными результатами. Негры делали вдвое больше, чем когда работали за поденную плату, потому что зарабатывали больше денег. В некоторые дни они зарабатывали по три шиллинга, что в три раза превышало обычную заработную плату. Он управлял ими исключительно мягко, и находил это чрезвычайно легким. Он имел на них такое же влияние, какое имел во времена рабства. Но там, где менеджеры упорствовали в привычках произвольного командования, они терпели неудачу. Он был вынужден уволить управляющего из одного из своих поместий из-за его властного характера. Если бы он не уволил его, люди покинули бы поместье. Любовь к дому была такой страстью у негров, что ничто, кроме плохого обращения, не могло заставить их уехать. Он знал не более одного-двух плантаторов на всем острове, которые не считали эмансипацию решающим преимуществом для всех сторон.

Доктор Ньюджент, управляющий поместьем Лайона, долгое время был спикером Ассамблеи и хорошо известен в Европе как человек науки. На Антигуа нет человека, стоящего выше. Он владеет одним поместьем и управляет другим. Он сказал нам, что до эмансипации ни один человек не осмеливался выступить против рабства, если хотел сохранить респектабельное положение. У плантаторов могли быть свои надежды, но они не могли обнародовать их, не навлекая на себя всеобщей одиозности и не будучи объявленными врагами своей страны. Самым общим предсказанием было то, что негры не будут работать после того, как получат свободу; но время показало, что для этого опасения не было никаких оснований. Поместья никогда не были в лучшем порядке, чем в настоящее время. Благодаря стимулирующей заработной плате было гораздо меньше притворных болезней, чем во времена рабства. Дом престарелых раньше был переполнен настоящими или мнимыми инвалидами; теперь негры к нему и близко не подходят. Та, что в его поместье, теперь использовалась под конюшню. Он считал, что способности чернокожих к образованию и ремеслам бросаются в глаза. Эмансипация оказалась благословением для хозяев, а что касается преимуществ для раба, то они были слишком очевидны, чтобы на них нужно было указывать. Восстания или мести они ни в коем случае не боялись, даже те плантаторы, которые были самыми жестокими. После отмены рабства не осталось *мотивов* для восстания. Затраты на выращивание значительно сократились, а машины и крупный рогатый скот использовались чаще, чем раньше.

"Мистер Хатли, управляющий поместьем Фрея, сказал нам, что возросшая трудолюбие и эффективность его сотрудников побудили его пустить под обработку еще несколько акров. Они не требовали такого постоянного присмотра, как раньше. Они проявляли гораздо больший интерес к процветанию поместья, чем когда были рабами. Он показал нам свои отчеты за последний год рабства и первый год свободы; они доказывали сокращение расходов более чем на треть. Он сказал: "Старая привычка симулировать болезнь разрушена. Во времена рабства это происходило более или менее каждую неделю, иногда каждый день, и это было чрезвычайно раздражающе. Один приходил, неся руку на вытянутой руке, заявляя, что у него такая сильная боль, что он никак не может пользоваться мотыгой; другой появлялся, прижав обе руки к груди, и с печальным видом жаловался на сильную боль в животе; третий приходил, прихрамывая, с ужасным *ревматизмом* в коленях; и так далее, с дюжину или больше. Спорить с

ними было бесполезно, хотя часто было очевидно, что ничто на свете их не беспокоит. Они говорили: "Ах, масса, вы даже не представляете, как мне плохо. Это глубоко в, масса. Но сейчас у нас нет притворной болезни, и гораздо меньше реальных болезней, чем раньше. Мои люди теперь говорят, что у них нет времени болеть. Раньше у нас были сильные предубеждения против плуга; но теперь его начинают широко использовать, и мы обнаруживаем, что это значительно сокращает необходимое количество труда. Я уже видел такие очевидные преимущества, вытекающие из системы свободного труда, что я никогда больше не желаю видеть лицо рабства. Мы освобождены от мучительной задачи порки. Раньше это было не что иное, как плетъ, плетъ, плетъ. Теперь мы больше ничего не знаем о плети.

Дэвид Крэнстоун, эсквайр, управляющий поместьем Атхилл и мировой судья, сказал нам: "Я выполняю свою работу лучше, чем раньше, и с несравненно большим энтузиазмом. Я нанимаю меньше рабочих, но мое поместье никогда не было в более прекрасном состоянии возделывания. Мои люди всегда готовы работать. Я иногда нанимаю их на работу, и всегда с большим успехом. Когда я даю задание, оно выполняется в два раза быстрее, чем потребовалось бы, если бы мне платили по дням. Я знал, что в таких случаях они выходили из дома до трех часов ночи и работали при лунном свете, а когда луна не светила, они иногда разжигали костры среди сухих листьев тростника, чтобы работать при их свете. Они продолжали работать весь день, до четырех часов, останавливаясь только для завтрака и обходясь без обычного перерыва с двенадцати до двух. Во время рабства еженедельные расходы в поместье составляли в среднем 45 фунтов стерлингов (218,02 доллара). После освобождения они составляли в среднем 20 фунтов стерлингов (96,90 доллара). Негры - удивительно умеренный народ. Я редко видел кого-либо в состоянии алкогольного опьянения. Теперь у нас нет причин опасаться восстаний. Эмансипация избавила нас от всех опасностей на этот счет. Среди преимуществ нынешней системы - большая легкость управления недвижимостью. Это избавляет нас от мира проблем и замешательства. Я обнаружил, что закон легко контролирует негров; возможно, в большей степени, чем трудящиеся классы в других странах. Я не знаю ни одного плантатора, который был бы готов восстановить рабство. Мы чувствуем, что это было великое проклятие; проклятие как для плантатора, так и для раба".

"Мы позавтракали на Вилле, расположенной в полумиле от Сент-Джонса. Мы обнаружили, что управляющий менее оптимистичен в своих взглядах на эмансипацию, чем плантаторы в целом. Это легко объяснить. Поместье расположено так близко к портовому городу, что у его жителей возникает множество соблазнов оставить свою работу, от чего жители более отдаленных поместий освобождены. Однако он признал, что опасность восстания устранена, уровень преступности снизился, а моральное состояние общества быстро улучшается.

Мистер Борн, управляющий поместьем Миллара, сказал: "Опасаясь последствий эмансипации, я сократил свои посевные площади в 1834 году; но вскоре обнаружил, что мои люди будут работать так же хорошо, как и прежде, и на следующий год увеличил их до обычных размеров; а в этом году я добавил пятнадцать акров новой земли. Я без колебаний заявляю, что, если у меня будет запас наличных денег, я смогу собрать любой урожай, который будет угодно послать Богу. Ничто, кроме плохого обращения, никогда не заставляет негров покидать поместья, в которых они привыкли жить; и в таких случаях смены руководства почти всегда оказывалось достаточно, чтобы побудить их вернуться. Сейчас они явно менее склонны к дерзости, чем во времена рабства. Расходы на управление поместьями сократились на треть. До эмансипации очень мало думали о способах экономии ручного труда; но многие улучшения уже были внедрены, и

предлагается еще больше. Эмансипация оказалась неисчислимым благословением для плантаторов, освободив их от бесконечных сложностей ответственности, затруднений, искушений и тревог; особенно потому, что она освободила их от оков кнута. Быть христианином во времена рабства было нелегким трудом. Да, уверяю вас, сэр, в те дни быть христианином было *очень* трудно".

"Ральф Хигинботэм, эсквайр, консул США на Антигуа в 1837 году, дал следующее свидетельство: "Общее поведение негров достойно большой похвалы, особенно учитывая внезапный переход от рабства к неограниченной свободе. Их поведение миролюбиво и упорядоченно. Каким бы ни было недовольство плантаторов в начале внедрения нынешней системы, сейчас они вполне удовлетворены тем, что их собственность обрабатывается лучше, а работники более довольны и жизнерадостны, чем во времена рабства".

Каждое изменение в структуре общества всегда сопровождается определенными трудностями; но если изменение основано на истинных принципах, трудности всегда носят временный характер. Они подобны каменистой тропинке из пещеры на солнечный свет. Мистер Джеймс Скотленд, почтенный торговец, о котором уже упоминалось, сказал мистеру Тому: "Проблемы, связанные с эмансипацией, были почти полностью вызваны упорством плантаторов в их старых привычках властвовать. Их гордость была уязвлена, когда они увидели, что их рабы получили равные права, и они завидовали тому, что те стремятся быть на равных во всех отношениях. На ранней стадии обретения свободы они часто использовали свою власть работодателей к раздражению и травмам своих работников. За малейший проступок, а иногда и без всякой причины, бедных негров таскали к магистратам (которые были плантаторами или друзьями плантаторов), увеличивали им жалованье, налагали иные штрафы и отправляли в тюрьму или исправительный дом. И все же эти измученные люди оставались терпеливыми, организованными и покорными. Обращение с ними теперь значительно улучшилось, ибо плантаторы с радостью обнаружили, что они пожертвовали своими собственными интересами, заставив земледельцев своих земель волноваться и страдать".

ПОКАЗАНИЯ СУДЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ НА АНТИГУА В 1837 ГОДУ.

Мистер Том говорит: "Губернатор откровенно рассказал нам о прошлом и настоящем состоянии Антигуа и сообщил различные подробности, в которых колония значительно улучшилась благодаря эмансипации. Он сказал, что плантаторы со всех концов острова заверили его, что негры настроены трудолюбиво. Все они признавали, что эмансипация оказалась благословением для острова, и он не знал ни одного человека, который желал бы вернуться к старой системе. Он сказал, что во время недавних рождественских праздников в Полицейских отчетах не было зафиксировано ни одного случая ареста. Он был знаком с сельскими районами Англии и много путешествовал по Европе; и он еще никогда не встречал такого мирного, упорядоченного, законопослушного крестьянства, как на Антигуа. Величайшим преступлением острова, как, впрочем, и всех Вест-Индских колоний, была распущенность; но в этом отношении они, несомненно, быстро исправлялись.

"По приглашению губернатора мы сопровождали его на ежегодный экзамен в приходской школе в Сент-Джонсе. Он потребовал, чтобы все дети, освобожденные первого августа 1834 года, были призваны. Это было самое интересное и красивое зрелище. Почти сотня детей, от

чернокожих до чистейших белых, которые два года назад были рабами, стояли перед нами свободными. Когда мы говорили с ними об эмансипации, их оживленные взгляды и жесты, а также оживленный тон, каким они отвечали на наши вопросы, показывали, что они считают быть свободными благословением. В нем было столько уважения, внимания и общего интеллекта, сколько мы когда-либо видели в учениках того же возраста. Его Превосходительство выразил крайнее удовлетворение внешним видом и уровнем подготовки в школе. Повернувшись к нам, он сказал шутливым тоном: "Видите, джентльмены, у этих детей есть души".

"Учителя, миссионеры, священнослужители и плантаторы единодушно свидетельствовали, что негры были так же способны получать наставления, как и любой другой народ в мире; и это было подтверждено вне всякого сомнения фактами, свидетелями которых мы сами были. Мы были рады узнать, что эмансипированные негры проявляли большую заботу об образовании своих детей. Они поощряли их ходить в школу и старались поддерживать их, хотя у них было сильное искушение задержать их дома для работы. Они также вносили небольшую еженедельную сумму на содержание школ".

Что касается нравственного состояния Антигуа, г-Томе обставляет количество полицейских протоколов, из которого я цитирую ниже, в качестве справедливой образцы целом: "Санкт - - Джонс, сет. 1835. Число преступлений, караемых смертной казнью, значительно сократилось, равно как и всех мелких. Основные преступления, которые в последнее время были переданы на рассмотрение магистратов, по-видимому, состоят главным образом в незначительных правонарушениях и нарушениях контракта.

"Октябрь 1835 года. Хотя случаи нарушения контракта действительно имеют место, они не очень часты; и во многих случаях я был склонен полагать, что правонарушение возникло скорее из-за отсутствия надлежащего понимания времени, намерения и значения контракта, который заключили работники, чем из-за фактического наличия какого-либо недовольства с их стороны.

"Январь 1836 года. (Сразу после рождественских каникул.) В этот период, когда рабочие классы проводят несколько дней подряд в праздности, я не могу не поздравить вашу Честь со спокойным поведением и общим хорошим порядком, который, к счастью, поддерживался на всем острове. Во время каникул на моем попечении был только один заключенный, и его проступок носил незначительный характер.

"Февраль 1836 года. Прошу разрешения поздравить вашу честь с огромным уменьшением числа всех мелких правонарушений и полным отсутствием преступлений, караемых смертной казнью.

Сентябрь 1836 г. Сельскохозяйственные рабочие продолжают устойчивую и единообразную линию поведения и, за некоторыми исключениями, приносят общее удовлетворение своим работодателям. Каждый друг этой страны и свобод во всем мире должен с удовлетворением наблюдать за постепенным улучшением характера и поведения этого класса общества при постоянном действии местных законодательных актов.

"Январь 1837 г. (После рождественских праздников.) Сердечно поздравляю ваше превосходительство с регулярным и уравновешенным поведением, которого придерживаются все слои общества в это особое время года. Не было раскрыто ни одного преступления отвратительного характера. Я с гордостью осмеливаюсь заявить о своем мнении, что ни в одной

части владений его Величества население численностью 30 000 человек не вело себя более строго пристойно на этом ежегодном празднике и не было более миролюбиво подчинено законам.

Февраль 1837 г. Преступления любого гнусного характера очень редки среди рабочих. Я могу рискнуть сказать, что мелкие кражи, ломание сахарных тростинки для еды и преступления подобного рода в основном заполняют календари наших Ежеквартальных заседаний Суда. В целом рабочие настроены миролюбиво, упорядоченно и цивилизованно; не только по отношению к тем, кто работает в более высоких сферах жизни, но и друг к другу".

Все вышеприведенные отчеты подписаны "Ричардом С. Уикхемом, суперинтендантом полиции".

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДУХОВЕНСТВА И МИССИОНЕРОВ На АНТИГУА В 1837 ГОДУ.

Преподобный мистер Джонс, настоятель Сент-Филлипса, сказал мистеру Тому: "Плантаторы всегда были против улучшений, пока они не были осуществлены и не стали очевидны хорошие результаты. Сначала они сказали, что отмена *торговли* рабами разорит Колонии; затем они сказали, что отмена *рабства* приведет к неминуемому уничтожению островов; и теперь они осуждают *образование* эмансипированных детей как меру, чреватую катастрофическими последствиями. Но эмансипация оказалась великим благословением для людей, и плантаторы в этой части острова довольны работой системы. Преимущества образования расширяются, а религиозные привилегии значительно возрастают. Наблюдается явное улучшение морали и манер детей, поскольку образование стало всеобщим. Что касается брака, то в привычках людей произошла полная революция.

"Суперинтендант Уэслианской миссии сообщил нам, что сбор в нескольких Уэслианских часовнях в 1836 году, независимо от случайных пожертвований на воскресные школы, миссионерские предметы и т.д., составил более 6000 долларов. Помимо щедрых пожертвований, в соответствии со своими небольшими средствами, Библейскому обществу, освобожденные рабы образовали между собой несколько Отраслевых ассоциаций для распространения Священных Писаний. Взносы Антигуа и Бермудских островов, единственных двух островов, которые затем приняли *полную* свободу, были *вдвое* больше, чем от любых других двух островов. Среди жителей Уэсли освобожденные негры образовали четыре Дружеских общества, призванных помогать престарелым и немощным, ухаживать за больными и поощрять трезвость и трудолюбие. В 1836 году они сами собрали деньги и потратили на эти предметы 700 фунтов стерлингов (2100 долларов). В 1837 году в их казне было 600 фунтов стерлингов (1800 долларов)." Чтобы должным образом оценить эту щедрость, следует помнить, что заработная плата этих бедных людей составляла всего шиллинг в день, около двадцати четырех центов; и что они жили сами по себе; кроме того, что до последних трех лет они вообще не получали заработной платы за свой труд. На Антигуа не было государственной богадельни, что в высшей степени похвально для эмансипированного народа.

В отчете, опубликованном Уэслианскими братьями, говорится об освобожденных рабах: "Они всегда демонстрируют готовность внести свой вклад в поддержку Евангелия. При нынешней низкой заработной плате и всех расходах на самообслуживание у них почти ничего не остается. В Пархеме и Сайон-Хилле (взятых в качестве образцов) есть общества, почти полностью состоящие из чернокожих сельских жителей; их численность составляет около 1350 человек. В

1836 году они пожертвовали более 1650 долларов небольшими еженедельными подписками; помимо того, что время от времени жертвовали на специальные предметы и делали взносы на поддержку школ".

Вест-Индская ассоциация содействия развитию христианской веры в своем отчете за 1836 год делает заявление, из которого следует, что браков за *один* год в то время было *вдвое* больше, чем за *десять* лет во времена рабства.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОСВОБОЖДЕННЫХ РАБОВ На АНТИГУА В 1837 ГОДУ.

Мистер Том рассказывает: "Молодой негр, бывший рабом, перевез нас на лодке через гавань Сент-Джонс. Мы спросили его о первом августе 1834 года. Он сказал: "Дар был более религиозен в тот день, дэн, о котором ты можешь подумать". Когда мы спросили его о законах, он сказал, что закон был его другом. Если бы не было закона, который встал бы на его сторону, сильный человек мог бы сбить его с ног; но теперь все боятся закона. Хозяева *иногда* били человека, позволяя ему делать *все, что в его силах*; но закон никогда не причинял вреда тому, кто вел себя хорошо.

"Мы спросили старого негра, что он делал первого августа. Он ответил: "Масса, мы ходили в церковь и молили Господа о том, чтобы он сделал нас всех свободными".

"Мы спросили двух мужчин, которые были каменщиками в поместье, нравится ли им свобода. Они ответили: "О сэр, это очень удобно, действительно очень удобно. В тот день, когда пришла свобода, мы были так счастливы, как будто только что попали на Небеса. Раньше мы очень много думали о том, чтобы стать свободными; но мы не надеялись, что это когда-нибудь произойдет, пока смерть не освободит нас от рабства. Теперь, когда мы свободны, мы не продали бы себя ни за какие деньги. Деньги скоро закончатся, но свобода будет длиться, пока мы живы". Мы спросили, не захотят ли они продать себя человеку, который, как они были уверены, будет хорошо к ним относиться. Они немедленно ответили: "Мы были бы готовы *служить* такому человеку; но мы не стали бы *продавать* себя лучшему человеку в мире". Они сказали, что очень хотели бы, чтобы их дети научились всему, чему они могут, пока они молоды; ибо образование - великая вещь.

"По дороге в Грейс-Бэй мы встретили на дороге нескольких работающих негров и остановились поболтать с ними. Мы спросили их, танцевали ли они первого августа. Они быстро ответили: "О! о! никакой *вознилогове*! Нет, масса. В *этот* день все ходят в церковь". Один из них сказал: "Я всегда много думал о свободе, но я не надеюсь, что Эбер станет свободным. Однажды утром, около четырех часов, я шел по дороге, совсем один, и молился, чтобы Спаситель сделал меня свободным; чтобы потом я мог быть *таким* счастливым! Я не знаю, что заставило меня так молиться, потому что я не искал свободы, но через месяц пришла свобода". Они сказали нам, что работают намного лучше, так как им за это платят. Я спросил одного из них, не захотел бы он снова стать рабом, если бы всегда мог быть уверен в хорошем хозяине. Он воскликнул: "Хей! те *massa*! Я никогда больше не буду рабом! Хорошая масса, очень хороший тинг; но свобода до лучших времен. ' Они сказали нам, что это великое благословение - видеть, что их дети ходят в школу.

"Интеллигентный цветной джентльмен сообщил нам, что, пока негры были рабами, они тратили во время рождественских каникул все деньги, которые получали за год; но теперь они тщательно копили их, чтобы купить небольшие участки земли для собственного возделывания".

На экзамене в одной из школ несколько женщин, работавших в поместьях, у которых были дети в школе, надели свои лучшие воскресные наряды и пошли послушать, как ученики читают стихи. Когда мистер Том заговорил с одной из них о привилегиях, которыми пользуются ее дети, ее глаза наполнились слезами, и она ответила: "Да, масса, мы благодарим Господа за то, что он даровал нам свободу. Никогда не бывает слишком много ". Она сказала, что у нее семеро детей, и она была счастлива, что они научились читать. Другая сказала, что, когда она услышала, что дети так хорошо читают, ей захотелось "вырвать слова из уст и вложить их в свои собственные". Она добавила: "Говорю вам, масса, моему старому сердцу приятно приезжать сюда".

"Старый дедушка Якоб, который был дьяконом в одной из моравских церквей, рассказал нам о подземельях, в которых раньше содержались рабы; и с большим чувством сказал, что его жену однажды поместили в сырую темницу. Некоторые там заболели и после этого так и не поправились. Он знал одного, который там умер. Его дважды пороли за то, что он бросил свою работу, чтобы похоронить мертвых. "Не можем же мы *теперь* сидеть в темнице!" - воскликнул дедушка Якоб с торжествующим видом. "Не будем лизать нас! Если мы им не нравимся, скажите, чтобы мы уходили; вот и все ". Мы спросили, обеспечивает ли его менеджер. Он сказал, что нет, его поддерживают дети. "Теперь, когда старина умирает, его дети делают гроб и опускают его в землю!" Мы спросили, не лучше ли старику быть рабом, чтобы получать еду и одежду от управляющего. Он бросил на нас быстрый взгляд и сказал: "Раддер свободен".

"Мистер и миссис Мене, моравские миссионеры, рассказали нам, что, хотя низкой заработной платы едва хватало для поддержания жизни, они никогда не видели ни одного человека, который пожелал бы снова стать рабом. Даже пожилые и немощные, которые иногда страдали от пренебрежения плантаторов и неспособности их родственников должным образом обеспечивать их, выражали самую живую благодарность за великое благословение, данное им Господом. Они часто говорили: "Миссис, старый грешник только что сошел в могилу, но, Боже милостивый, дай мне увидеть это благословенное солнце".

СНОСКА:

[4] Во многих случаях это объясняется тем, что женщин отзывают с полевых работ для ведения домашнего хозяйства; и тем, что детей отправляют в школу.

ГЛАВА III. НАВЕТРЕННЫЕ ОСТРОВА ВО ВРЕМЯ УЧЕНИЧЕСТВА — СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЛАНТАТОРОВ БАРБАДОСА В 1837 ГОДУ. [5]

Мистер Том рассказывает: "Вскоре после того, как мы прибыли на Барбадос, мы навестили мистера К., управляющего поместьем Лира, примерно в четырех милях от Бриджтауна. Он проработал плантатором тридцать шесть лет. Он был поверенным в двух других крупных поместьях, и под его руководством работало более тысячи подмастерьев. Он сказал: "Я часто желал, чтобы рабство было отменено, и другие знакомые мне плантаторы испытывали те же чувства; но мы не осмеливались выразить их. Большинство плантаторов были настолько яростно настроены против эмансипации, что даже до 31 июля заявляли, что она не может и не должна иметь места. Теперь эти самые люди видят и признают преимущества, которые дает новая система. Рабство было царством террора. Я часто просыпался от сна, в котором мне казалось, что моя комната заполнена вооруженными рабами. Но все эти страхи прошли. Сейчас нет *мотива* для восстания. Первого августа 1834 года люди работали в поместьях так же, как обычно. Если бы по острову проехал посторонний человек, он бы и не заподозрил, что произошли какие-либо изменения. Накануне я сказал своим людям, что по новым законам они должны выходить на улицу в шесть часов утра, а не в пять, как раньше. Я не ожидал, что они пойдут на работу в тот день; но в назначенный час все они были в поле; ни один не пропал без вести. За девять часов, требуемых нынешними законами, они выполняют больше работы, чем за двенадцать часов, требуемых при рабстве. Они более верны, чем когда были рабами. Они проявляют больше интереса к процветанию поместья и к тому, чтобы вещи не были разрушены. Краж становится меньше, потому что они начинают уважать характер. Теперь они могут обратиться к закону за защитой; и их уважение к закону очень велико. Они всегда готовы работать на меня в свободное от работы время, за что я плачу им двадцать пять центов в день. В этом году я засеял еще тридцать акров и собрал больший урожай, чем когда-либо. Никогда еще остров не был так хорошо обработан, и с каждым годом он становится все лучше. Недвижимость выросла в цене более чем на тридцать процентов. Освобождение было великим благословением как для хозяина, так и для рабыни. Для *меня*. Вы не можете себе представить, какая ответственность и тревоги улетучились с отменой рабства. С рабством связано много досадных обстоятельств, которые пагубно влияют на хозяина. Между ним и его рабами существует постоянная ревность и подозрительность. Они смотрят друг на друга как на естественных врагов. Поддерживается постоянная система заговоров и контрзаговоров. Порка была само собой разумеющимся явлением на всем острове, пока существовало рабство. Ударить раба было таким же обычным делом, как ударить лошадь. Очень часто это происходило просто потому, что хозяин бывал в раздражительном настроении, а раб понятия не имел, за что его наказали. Я сам не раз приказывал пороть рабов, когда был в ярости, а когда остыл, то отдал бы гиней, чтобы не делать этого. Я верю, что эмансипация спасет души многих плантаторов. Если богатому человеку трудно войти в царство небесное, то плантатору еще труднее. Иногда я удивляюсь себе, когда думаю, как долго я был связан с рабством; но своекорыстие и обычаи ослепили меня от его чудовищности. Недавно я встречался с плантатором, который до конца июля утверждал, что метрополия не могла быть настолько безумна, чтобы предпринять шаг, который неизбежно погубил бы ее Колонии. Теперь он был бы последним человеком, проголосовавшим за восстановление рабства. Он даже хочет избавиться от ученичества и принять немедленную, безоговорочную эмансипацию, как это было сделано на Антигуа. Такие перемены во мнениях очень распространены среди плантаторов. Я думаю, что расходы при ученичестве примерно такие же, как и при рабстве; но сделанные мной расчеты убеждают

меня, что при полностью свободной системе я мог бы обрабатывать это поместье на 3000 долларов в год дешевле, чем это стоило раньше. Я не сомневаюсь, что негры будут работать, когда в 1840 году наступит их свобода. На короткое время может возникнуть немного возбужденное чувство экспериментирования, но я уверен, что в целом все будет развиваться мирно и процветающе. Рабы были хорошо знакомы с усилиями, предпринимаемыми в Англии для их освобождения. Они привыкли с крайней тревогой следить за прибытием каждой посылки. Если бы парламент отказался отменить рабство, произошло бы всеобщее восстание. Пока была надежда, они мирно ждали освобождения; но если бы надежда была уничтожена, рабство было бы похоронено в крови. Ученичество вызвало у них некоторое недовольство. Они думали, что должны быть полностью свободны, и подозревали, что их хозяева обманывают их. Сначала они не могли понять условий новой системы; и среди них поднялся некоторый ропот; но они пришли к выводу, что лучше подождать еще шесть лет желаемого блага, чем потерять его из-за восстания".

"Сэмюэл Хинкстон, эсквайр, управляющий поместьем Коллитон и один из местных магистратов, дал отчет, во всех отношениях схожий с тем, что дал управляющий "Лирз". Он проработал плантатором тридцать шесть лет и пользовался всеобщим уважением за свой гуманный характер и пристальное внимание к бизнесу. Он сказал, что его ученики никогда не отказывались работать в часы, требуемые законом, и в свое свободное время они всегда были готовы работать на него за плату, когда бы он в них ни нуждался. Когда у него не было для них повода, они часто позволяли себе работать на чужих землях. Недвижимость сильно подорожала, и все признавали, что остров никогда не был так хорошо обработан. Во всех отношениях новая система работала лучше старой; но он с удовольствием предвкушал еще лучшие перемены, которые произойдут в 1840 году. Он верил, что безусловная свобода устранил все неприятности. Он сожалел только о том, что это не могло произойти раньше.

"Нас пригласили навестить полковника. Эшби, пожилого и опытного плантатора, который проживает в самой южной части острова. Он рассказал нам, что был практически плантатором с 1795 года. Он яростно выступал против отмены рабства и относился к членам парламента, выступавшим против рабства, с неприкрытой ненавистью. Он думал, что никакое наказание ни в этой, ни в будущей жизни не было слишком плохим для Уилберфорса. Рассказывая нам об этом, он воскликнул: "Но, о, как я ошибался насчет этого человека! Теперь я убежден в этом. Отмена рабства оказалась неисчислимым благословением. "Он много говорил о доверчивости и сильной привязанности негров, когда с ними хорошо обращались. Они никогда не были расположены покидать своего работодателя, если только он не был с ними невыносимо страстен и жесток. Он сказал, что избегал, насколько это было возможно, приводить своих учеников к специальному судье; и ему всегда было легко самому разрешать трудности путем примирения".

Мистер Том был представлен одному плантатору, имени которого он не называет, вероятно, потому, что соседи считали его жестоким хозяином во времена рабства. Он сохранил предрассудки, естественные для этого класса людей. "Он жаловался, что негры были неблагодарным, порочным сборищем; чем больше им потакали, тем более ленивыми и наглыми они становились. Он сказал, что знает это по своему собственному опыту. Он должен был найти один недостаток у всех своих подмастерьев, как дома, так и в поле; все они придерживались буквы закона и всегда были готовы привлечь его к ответственности перед специальным судьей за любое нарушение этого закона. Он также считал большой обидой то, что женщины с

маленькими детьми не желали работать вполе, как они делали раньше; теперь "они тратили половину своего времени на заботу о своих детях ". Однако он признал, что его подмастерья были готовы работать, что его поместья никогда не были так хорошо обработаны, и что он мог сказать то же самое о поместьях по всему острову ".

Доктор Белл, плантатор из Демерары, находился с визитом на Барбадосе, и мистер Том навел там некоторые справки о результатах отмены рабства. "Он сказал, что сейчас Колония страдает от нехватки рабочих рук; но после того, как подмастерья станут свободными, в 1840 году, несомненно, увеличится эмиграция туда из более старых и менее производительных колоний. Плантаторы принимали меры для выращивания сахара в более широких масштабах, чем когда-либо прежде, и поместья продавались по очень высоким ценам. Все свидетельствовало о полной уверенности в том, что процветание страны будет постоянным и поступательным".

Мистер Том говорит: "Мы неоднократно беседовали с джентльменами, которые были хорошо знакомы с соседними островами; один из них был владельцем сахарного завода на Сент-Винсенте. Все они заверяли нас, что на этих островах царил такое же спокойствие, какое мы видели на Барбадосе. Сэр Эван Макгрегор, генерал-губернатор всех Наветренных колоний, и, конечно, полностью информированный об их внутреннем состоянии, дал нам те же заверения. Из этих достоверных источников мы узнали достаточно, чтобы убедиться, что во всех Колониях примирительное и справедливое управление никогда не подводило для обеспечения мира и развития промышленности ".

ПОКАЗАНИЯ МИРОВЫХ СУДЕЙ НА БАРБАДОСЕ В 1837 ГОДУ.

Мистер Том говорит: "Губернатор, сэр Эван Макгрегор, сказал нам, что он провел пять лет в Вест-Индии и проживал на Антигуа и Доминике до того, как получил свое нынешнее назначение; он также посетил несколько других островов. Он сказал, что ни в одном месте, которое он посетил, дела не шли так спокойно и удовлетворительно для всех классов, как на Антигуа. Система ученичества раздражала обе стороны. Это поддерживало постоянное состояние войны между мастером и учеником и порождало ожесточенные чувства с обеих сторон. В какой-то степени так было и на Барбадосе, но это, несомненно, сошло бы на нет при нынешней невежливой системе. Он был настолько убежден, что безусловная свобода лучше как для мастеров, так и для рабочих, что, будь у него власть, он освободил бы каждого подмастерья уже завтра.

Достопочтенный Р. Б. Кларк, генеральный солиситор, откровенно признал, что, пока отмена рассматривалась в парламенте, он публично и неоднократно заявлял, что это разорит Колонии; но результаты оказались настолько разными, что ему стало стыдно за свои предчувствия. Он сказал, что было много опасений по поводу первого августа. В то утро он встал рано и проехал двенадцать миль по самой густонаселенной части острова; и когда он увидел, что все негры мирно заняты своей работой, он почувствовал удовлетворение от того, что все пойдет хорошо".

Майор Колтхерст, специальный судья, дал письменные показания мистеру Тому, из которых я извлекаю следующее: "Количество рабочих-подмастерьев в моем округе составляет 9 480 человек. Из-за близости к крупному морскому порту Бриджтаун, это, пожалуй, самый проблемный район на острове. В более сельских округах в магистраты подается не более

половины жалоб. В моем округе не было никаких проблем, вызванных отказом подмастерьев работать. Они работают мужественно и с радостью, везде, где к ним относятся гуманно и с вниманием. Я никогда не знал ни одного примера обратного. Когда управляющий имуществом испытывает недостаток в этом отношении, естественным следствием является нежелание выполнять свои обязанности; но вмешательство магистрата вскоре исправляет ситуацию. Количество жалоб, поступающих на мое рассмотрение, намного меньше, чем в прошлом году, и их характер также значительно улучшился. Девять жалоб из десяти касаются мелких дерзостей и дерзких ответов, чего, естественно, следовало ожидать, учитывая прежнее и нынешнее положение сторон; но даже число таких жалоб значительно сократилось. Удивительно, как мало существенных нарушений закона происходит в столь необычном сообществе. Время от времени имеют место несколько случаев преступлений; но если учесть, что население этого острова почти такое же густое, как в любой части Китая, и совершенно необразованное ни в отношении наставлений, ни в отношении примера, это отсутствие частых преступлений вызывает наше удивление и делает большую честь неграм. Я без колебаний заявляю, что в этой Колонии царит совершенное спокойствие, хотя и переживающее одно из самых важных изменений, которые когда-либо происходили в любую эпоху или в любой стране; переход почти 80 000 рабов из рабства на свободу. Подмастерья склонны покупать свое увольнение, особенно когда возникают недоразумения с их хозяевами. Получив его, они, как правило, работают в тех профессиях, к которым привыкли ранее, и ведут себя хорошо. Они редко пристрастились к выпивке. Действительно, чернокожее население - самые умеренные люди, которых я когда-либо знал. Почти сорокалетний опыт работы в различных общественных ситуациях подтверждает меня в этом очень важном факте".

Показания, аналогичные приведенным выше, получены от ряда мировых судей и сотрудников полиции. Все они были согласны с тем, что порок и преступность уменьшились и продолжают уменьшаться; что чувство безопасности стало всеобщим; что земля растет; и что даже самые предубежденные плантаторы не вернулись бы к старой системе, если бы могли.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДУХОВЕНСТВА И МИССИОНЕРОВ НА БАРБАДОСЕ В 1837 ГОДУ.

Мистер Том говорит: "Преподобный Эдвард Эллиот, архидьякон Барбадоса, сообщил нам, что число священнослужителей и церквей увеличилось после эмансипации; религиозные собрания стали посещать больше людей, и данные инструкции явно оказали большее влияние. Повышенное внимание уделялось также образованию. Духовенство, а также моравские и уэслианские миссионеры предприняли новые усилия и открывали школы в различных частях острова. До эмансипации плантаторы выступали против образования и, насколько это было возможно, не допускали учителей в свои поместья. Теперь они поощряли это во многих случаях, и там, где они не поощряли это напрямую, они не возражали. Он сказал, что количество браков очень сильно увеличилось. Он был убежден, что никаких плохих результатов не последовало бы, если бы в 1834 году была предоставлена полная свобода, как на Антигуа. Пока продолжалось рабство, люди действительно боялись восстаний; но он не думал, что пятеро плантаторов на острове сейчас испытывают какой-либо страх.

"Преподобный мистер Фидлер, суперинтендант Уэслианских миссий, рассказал нам, что методисты подвергались жестоким преследованиям на Барбадосе во времена господства рабства. Их часовня в Бриджтауне была полностью разрушена толпой, и некоторым миссионерам пришлось спасаться бегством. Но после эмансипации все очень изменилось.

Несколько поместий теперь были открыты для миссионеров, и в разных частях страны строились церкви. Один человек, который помогал сносить часовню, теперь выделил землю для строительства новой и предложил бесплатно использовать одно из своих зданий для религиозных собраний и школы до тех пор, пока оно не будет возведено.

"Преподобный мистер Камминс, викарий церкви Святого Павла в Бриджтауне, сказал нам, что его субботняя школа значительно расширилась после эмансипации. Негры проявляли растущее стремление к религиозному образованию, и он был убежден, что они обладают такими же способностями к обучению, как и белые. Теперь все церкви были переполнены, и спрос на большее возрастал. Их нравственность значительно улучшилась, особенно в том, что касалось брака.

"Мы посетили детскую школу, связанную с Епископальной церковью, основанную двумя неделями ранее, для детей подмастерьев чернорабочих. Учитель, который уже много лет работает инструктором, сказал нам, что он обнаружил, что они так же быстро усваивают информацию, как и все дети, которых он когда-либо учил. Он был удивлен, увидев, как быстро инструкции, полученные в классной комнате, были доведены до сведения родителей. В самый первый вечер, после закрытия школы, он услышал, как дети повторяют то, чему их учили, а родители разучивают песни из их уст.

Преподобный мистер Уолтон из Монтсеррата сказал нам, что плантаторы на этом острове устали от ученичества и, просто из соображений интереса и комфорта, прибегают к бесплатному труду. Неоднократно имели место случаи, когда плантаторы освобождали всех своих подмастерьев. Он сказал, что образованию был придан новый импульс. Школы возникали во всех частях острова. Браки заключались каждую неделю. Теперь плантаторы поощряли миссионеров работать среди своего народа и были готовы отдать землю под часовни, которых быстро становилось все больше".

СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕГРА НА БАРБАДОСЕ В 1837 ГОДУ.

Мистер Том рассказывает: "Тендером на сахарной фабрике у Лира работал старый негр с нахмуренным лбом и жидкими седыми локонами. Мы спросили его, как они справляются с новой системой. Он ответил: "Очень хорошо, масса, танковый бог. Все мирно и хорошо." "Значит, ученичество нравится вам больше, чем рабство?" "Намного больше, масса. Сейчас у нас все хорошо." - "Тебе нравится ученичество так же, как и свобода, не так ли?" - "О, нет, масса. Свобода до лучших времен". "Что бы вы делали, если бы были полностью свободны?" "Мы должны работать, масса. Все умеют работать, когда приходят свободные. "Как с тобой теперь обращаются?" - "Очень хорошо, танковый бог. Теперь никаких порк, никакого заключения в темнице". "Но что заставляет тебя хотеть свободы? Вы так стары, что не могли долго наслаждаться этим." "Я хочу умереть свободным, масса. Хорошо умереть свободным. И я тоже хочу видеть детей свободными".

СНОСКА:

[5] Население Барбадоса составляло 14 959 белых; 82 807 рабов; 5146 свободных цветных людей.

ГЛАВА IV. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВЕСТ-ИНДИИ С 1840 По 1859 ГОД.

Джозеф Дж. Герни из Англии посетил Британскую Вест-Индию в 1840 году. В Сент-Кристофере генеральный солиситор колонии сообщил ему, что незадолго до эмансипации небольшое поместье на острове было продано вместе со всеми рабами за 2000 фунтов стерлингов. Он сказал, что шесть лет спустя оно будет продано без рабов за 6000 фунтов стерлингов. Мистер Герни добавляет: "Этот значительный рост стоимости собственности ни в коем случае не ограничивается конкретными поместьями". "На этом острове негры выполняют гораздо больший объем работы за данное время, чем можно было бы получить от них при рабстве. Один из моих информаторов сказал: "Они будут выполнять бесконечную работу за зарплату".

Сэр Уильям Коулбрук, губернатор Антигуа, и мистер Гилберт, священнослужитель, оба дали мистеру Гурни следующие показания: "По самым скромным подсчетам, земля, на которой нет ни единого раба, сейчас полностью такая же ценная, какой она была, включая всех рабов, до эмансипации". Мистер Гилберт сказал мистеру Гурни, что компенсация, которую он получил за своих рабов от британского правительства, была "простым подарком, положенным ему в карман; даром, на который у него нет разумных прав". Ибо его земля, без рабов, имела, по крайней мере, ту же ценность, что и раньше, с рабами; а после освобождения его прибыли возросли".

На Доминике мистер Герни обнаружил, что освобожденные рабочие "работают весело и дешево для своих работодателей по сравнению с рабством".

Говоря об островах, которые он посетил, мистер Герни говорит: "Перемены к лучшему в одежде, поведении и благосостоянии людей поразительны. Импорт значительно увеличился. Пошлины на импорт в Сент-Кристофере в 1838 году были на 1000 фунтов больше, чем в 1837 году; а в 1839 году они были вдвое больше, чем в 1838 году, в пределах 150 фунтов стерлингов. Этот неожиданный рост объясняется спросом со стороны освобожденных рабочих на импортные товары, особенно на предметы одежды".

В мае 1846 года доктор Джон Дэви, автор работы о Вест-Индии и брат знаменитого сэра Хамфри Дэви, написал из Барбадоса, где он проживал по официальной и профессиональной работе, хорошо известному мистеру Джорджу Комбу из Эдинбурга. Это письмо было опубликовано в *"Колоколе свободы"* за 1847 год, и я привожу из него следующие выдержки:

"Я мог бы пожелать, чтобы те, кто все еще одобряет рабство или считает его неизбежным злом, посетили Вест-Индию, особенно этот остров, и стали свидетелями последствий эмансипации. Я сильно ошибусь, если они не вернуться довольными тем, что отмена рабства здесь была выгодна во всех отношениях: неграм, плантаторам и населению в целом. Я пробыл на Барбадосе почти год и беседовал на эту тему с владельцами поместий, которые раньше владели рабами, с торговцами и с цветными людьми, которые когда-то были рабами. Среди всех них, казалось, было только одно чувство: что эмансипация - это благословение, и что если бы можно было вернуть рабство, все были бы против этого.

"Когда существовало рабство, всегда существовал страх восстания, особенно во времена опасности, будь то связанные с войной или другими бедствиями, такими как пожары и ураганы. Тогда было необходимо иметь постоянное ополчение, всегда готовое действовать. Необходимо

было иметь маяки и форты, чтобы поднимать тревогу и обеспечивать оборону. Сейчас существует совершенное чувство безопасности. Население рассматривается как единое целое, связанное общими правами и интересами. Ополчение было распущено и вряд ли будет реорганизовано, за исключением угрозы войны. Форты больше не требуются. Некоторые из них были демонтированы и забыты. Некоторые переоборудованы в полицейские участки; отряд в основном состоит из цветных мужчин. Насколько я могу судить, до отмены смертной казни были более распространены преступления любого рода, особенно грабежи. Кроме того, всегда было на свободе определенное количество беглых рабов, которые поддерживали себя ночными грабежами и, время от времени собираясь большими группами, врываются в дома богатых и грабили их. С момента отмены рабства я не слышал ни об убийстве белого человека, ни о каком-либо случае мести освобожденных за жестокое обращение, совершенное до освобождения. Я не слышал ни о каких случаях взлома домов или грабежа, за исключением мелкого, обычно называемого воровством. Безопасность собственности, в которой живут здесь богатые люди, поразительна. Но это неудивительно, если подумать о легком положении людей в целом. Нужда почти неизвестна, нищие почти неизвестны; и все же нет законов о бедных, и закон не предусматривает поддержки нищих.

"Освобожденные рабочие довольствуются шиллингом стерлингов (двадцатью четырьмя центами) в день за свою работу, как мужчины, так и женщины. Этого достаточно, чтобы удовлетворить их потребности и позволить им иметь некоторые удобства и даже предметы роскоши там, где обычные продукты питания дешевы и где у большинства рабочих есть участок земли, за который они платят ренту. Как правило, в каждом поместье, требующем более сотни работников, есть деревня, где проживают те, кто работает в поместье. Находиться рядом со своей работой - преимущество как для рабочих, так и для собственников; и поскольку в интересах последних прикрепить к ним первых, с ними обращаются доброжелательно и щедро. Если с ними обращаются иначе, рабочие ищут работу в другом месте и не испытывают никаких трудностей в ее поиске. Это, надо признать, счастливая перемена, и она стоит некоторых денежных жертв; но сомнительно, повлекла ли она за собой что-либо подобное. Многие управляющие поместьями, хорошо знакомые с мельчайшими деталями расходов при прежней и нынешней системах рабского и бесплатного труда, уверяли меня, что свободный труд более экономичен. Я признаю, что на некоторых островах, особенно на небольших, землевладельцы сильно пострадали, и их поместья поразительным образом обесценились из-за нового направления труда. Но я склонен думать, что их несчастья в значительной степени были навлечены на них самих из-за их неблагоразумного поведения. В первом случае они платили освобожденным рабочим по низкой ставке и таким образом соблазняли их эмигрировать в более крупные колонии, где за труд предлагалось более высокое вознаграждение; как на Тринидаде и Демераре. Затем они попытались удержать их дома, позволив им иметь столько земли, сколько они пожелают, и держать столько скота, сколько они пожелают, без оплаты. Это действительно удерживало их дома, но имело тенденцию удерживать их от работы в поместьях владельцев. Они сочли, что в их интересах обрабатывать землю за свой счет.

"Иногда один-единственный факт оказывается более убедительным, чем множество аргументов. Я приведу один факт, в котором я уверен из самых надежных источников. *Стоимость земли на Барбадосе после эмансипации настолько возросла, что поместье теперь будет продаваться за ту же цену, что и раньше, когда рабы, необходимые для его обработки, были включены в стоимость покупки.* Кто бы поверил, что это возможно до того, как рабство было отменено?

Теперь давайте сравним моральное состояние населения с тем, каким оно было до эмансипации. Признается, что во времена рабства плантаторы, адвокаты, менеджеры, торговцы и т.д. Были распущенными. Сожительство было обычным явлением и не дискредитировало их. Существовала раскованность в поведении и разговорах, которая не могла не оказывать вредного воздействия на ум. Молодежь была особенно подвержена этому унижающему и обессилевающему влиянию, когда не было ни малейшего повода для снисхождения, ни призыва к осуществлению контроля; когда слишком часто дом джентльмена становился своего рода борделем, и когда имели место случаи, когда плантаторы держали в рабстве своих собственных отпрысков от матерей-рабынь. Из того, что я видел и слышал, высшие классы белого населения сейчас кажутся образцовыми в своем поведении. Естественное изменение также произошло в отношении эмансипированной расы. Раньше цветная женщина считала за честь быть содержанкой белого мужчины. Теперь она считает это позорным; и таких связей обнаружено немного. Брак более распространен среди черных и цветного населения. Понимание таково, что брак - это правильно, а сожительство - неправильно. Между ними все еще существует много нерегулярных связей; брачные узы ослаблены, а чувства мало контролируются принципами. Но эти замечания применимы к *старшей* части населения, чьи привычки сформировались в рабстве, когда брачная церемония не была разрешена и когда целомудрие не было известно даже по имени. Я полагаю, что они неприменимы к подрастающему поколению, определенная часть которого попала под влияние морального и религиозного воспитания. Дети рабочих проявляют большие способности к обучению в школе; а мужчины обладают большими способностями к изучению всего, что их интересует, относящегося к их профессиям; например, использования орудий труда в сельском хозяйстве и усовершенствованных методов в полезных искусствах".

Доктор Дэви утверждает, что у трех четвертей рабочих на Антигуа были собственные коттеджи и небольшие фригольды. Каким бы маленьким ни был этот остров, в то время, когда он писал, на нем насчитывалось около восьмидесяти семи деревень, построенных освобожденными рабочими, рядом с поместьями, в которых они раньше были движимым имуществом. Он говорит: "Это ошибка, которую часто совершают, полагать, что африканец по природе ленив, менее склонен к труду, чем европеец. Тот, кто был свидетелем, как я, их неутомимого и предусмотрительного трудолюбия, будет склонен, возможно, скорее переоценить, чем недооценить активность негров".

В 1857 году губернатор Тобаго опубликовал следующее заявление: "Я отрицаю, что крестьянство предано лени. Напротив, я утверждаю, что более трудолюбивого класса в мире не существует; по крайней мере, когда они работают на себя".

Когда Луи Филипп направил уполномоченных в Британскую Вест-Индию, чтобы выяснить положение вещей с целью эмансипации во французских колониях, они опубликовали Отчет, из которого я перевожу следующую выдержку: "В Гвиане некоторые плантаторы заявляют о невозможности ужиться с существующей системой. Другие, напротив, уверяют нас, что они никогда не испытывали недостатка в рабочих; они восхваляют усердие черных и говорят, что они производят столько же, сколько при прежней системе. Вот и все для *старых* кашпо. Но когда мы консультируемся с *новыми* плантаторами, людьми, знакомыми с принудительным трудом только по традиции, мы обнаруживаем среди *них* полное единодушие. Все они говорят нам, что их труд удовлетворителен и что их сельскохозяйственные операции проходят успешно".

Преподобный Генри Блеби был миссионером в Вест-Индии в течение тридцати лет. Он проживал там до эмансипации и после. 1 августа 1858 года он произнес речь в Абингтоне, штат Массачусетс, из которой я извлекаю следующее: "С тех пор, как я здесь, я слышал, что эмансипация, как считается, потерпела неудачу. Я готов признать это утверждение безоговорочным противоречием. Ни в каком смысле освобождение рабов в британских колониях не оказалось провальным. В настоящее время я работаю служителем в цветных церквях Барбадоса, и я могу сказать вам, что никогда, даже в самые благодатные времена рабства, не было такого процветания, как сейчас. В этом году продолжительная засуха уменьшила урожай сахара; тем не менее, они собрали более чем вдвое больше продукции, чем когда-либо выращивали при рабстве, и с не большим количеством труда, чем во времена рабства. Вы не можете получить акр земли ни в одной части острова менее чем за четыреста-пятьсот долларов. В моем собственном районе поместье площадью не более двухсот-трехсот акров было продано почти за 90 000 долларов в ваших деньгах; оплачено наличными. То же самое происходит и на Антигуа, где я прожил три года. Член моей собственной церкви купил там поместье, которое было продано по постановлению канцелярии за 24 225 долларов. Он собрал три ценных урожая, которые с лихвой окупили первоначальные деньги за покупку; и ему предложили 48 450 долларов за собственность, но он отказался взять ее. *Вот* какое разорение постигло Вест-Индию из-за эмансипации!

"Что касается морального состояния Барбадоса, я полагаю, что криминальная статистика за последние пять-шесть лет без каких-либо недостатков сравнима с любой страной поднебесной. Мы редко слышим о таких вещах, как серьезные преступления. Невоздержанность не распространена среди людей. У меня членство в семнадцати сотнях цветных людей, и за последние два года мне не сообщили ни об одном случае невоздержанности. Каждую субботу наши церкви переполнены людьми, жаждущими получить наставление. Я не знаю ни одного народа в мире, который приложил бы такие усилия и проявил бы такое самоотречение, чтобы получить образование для своих детей, как жители Барбадоса. Один из членов моей цветной церкви только что закончил производство своей небольшой порции сахара, выращенного на участке в пол-акра земли, на котором стоял его дом и на котором он собирал провизию для своей семьи; и он принес мне шесть долларов вперед, в качестве платы за обучение своих четверых детей в школе в течение следующих двенадцати месяцев. Это единственный известный мне случай, когда мужчина в *его* состоянии заранее оплачивал образование своих детей в течение года. Это ложь, что эмансипация не смогла улучшить положение цветной расы. По всей Вест-Индии, на каждом острове, положение людей несравненно выше, чем при рабстве. Некоторые говорят, что если это не разорило рабочих, то разорило плантаторов. Я отрицаю это утверждение так же ясно, как и другое. Эмансипация оказалась благословением, а не проклятием для собственников. То, что я рассказал вам о ценах на землю, - это факты, которые красноречиво говорят о том, какое разорение принесла британским плантаторам эмансипация".

Лорд Стэнли, ныне граф Дерби, в депеше, датированной февралем 1842 года, говорит: "Опыт показал, чего и следовало ожидать, что трудолюбие негра, как и всего человечества, развивается прямо пропорционально заинтересованности, которую он проявляет к своему труду". Лорд Джон Рассел заявил в одной из своих публичных речей: "Ни один из самых ярых противников наших недавних мер по освобождению не утверждает, что негры превратились в грабителей, или мародеров, или кровожадных повстанцев. Из их заявлений следует, что они

стали лавочниками и мелкими торговцами, торгашами и мелкими фригольдерами. Это благословенная перемена, которую Провидение позволило нам совершить!"

Сэр Фрэнсис Хинкс, бывший премьер-министр Канады, является губернатором Наветренных островов, в которые входят Барбадос, Сент-Винсент, Гренада, Сент-Люсия и Тобаго. Он отличается финансовыми способностями и практическим здравым смыслом государственного деятеля. Находясь с визитом в Англии, он присутствовал на юбилейном собрании в Лондоне 1 августа 1859 года; по этому случаю он предложил следующую резолюцию: "Что в двадцать пятую годовщину отмены рабства в британских колониях это собрание радостно выражает свое удовлетворение в ретроспективе этого великого акта национальной справедливости и разумной политики; и решительно подтверждает, что эмансипированное население этих колоний триумфально отстаило свое право на свободу и справедливость Акта Эмансипации значительным прогрессом, которого они с тех пор достигли в моральном плане", религиозно и политически".

Выступая с этой Резолюцией, Его Превосходительство сказал: "Никто в Вест-Индии не отрицает, что хорошие результаты эмансипации для социального положения людей были очень велики. На Барбадосе прогресс был особенно заметен. Я нигде не знаю представителей рабочего класса, которые так много сделали бы для образования своих детей, как жители Барбадоса; и результаты самого отрадного характера проявляются в социальных привычках и умственных способностях людей. Я полагаю, что сами плантаторы убеждены в хороших результатах эмансипации. У любого, кто исследует этот вопрос, не может быть сомнений в том, что рабский труд намного дороже свободного. Я хочу, чтобы все поняли, что я сформировал свое мнение после всестороннего изучения обстоятельств каждой британской колонии, о которых я смог получить информацию.

"Позволь мне разобраться сразу с популярным заблуждением, что Африканский креольский естественно, ленивым; на что *это* бред, я не сомневаюсь, что угодно. Мое мнение согласуется со всем, что я слышал от священнослужителей различных протестантских церквей, а также от священнослужителей Римской церкви. Это также соответствует мнениям, выраженным магистрами, получающими стипендию в целом, поскольку я нашел их в официальных документах. Барбадосский собственник, которого высоко ценят все, кто его знает, пишет мне так: "Никогда не было большей ошибки, чем предполагать, что негр не будет работать по найму. Нет человека более чувствительного к этому стимулу и не работающего с большей готовностью, с большей радостью или более эффективно в надежде на вознаграждение. Совершенно удивительно, как много может сделать негр, когда он находится под влиянием полезного стимула; и как мало он будет делать, когда это устранят". Хинкс сказал: "Я охотно признаю, что в некоторых Колониях произошел значительный отток рабочей силы из-за выращивания сахара по целому ряду причин. Среди этих причин я склонен думать, что после *владения землей* главной была *неплатежеспособность собственников*. Мне никогда не удавалось проследить случай, когда поместье перестало обрабатываться из-за нехватки *рабочей силы*; но я слышал о многих случаях, когда поместья были заброшены из-за нехватки *капитала*; и о некоторых поместьях, в которых работники были уволены с задержкой заработной платы на несколько месяцев. Удивительно только, что при таком землевладении, какое существует в Вест-Индии, на сахарных плантациях не осталось ни одного рабочего. Это месячный срок владения, который

может быть расторгнут владельцем. Если арендатор вынужден уволиться, пока растет его урожай, он обязан заплатить за него любую цену, по которой его оценит собственник. Если арендатор сам уведомляет о намерении уехать, он обязан полностью пожертвовать своим урожаем. Очевидная тенденция этого заключается в том, чтобы вытеснить рабочих с выращивания сахара в места, где они могут получить собственную землю. Если бы я был владельцем сахарного завода, я бы отдал одну четвертую или треть тростниковых угодий в поместье рабочим. Я бы предоставил им хороший срок владения; например, арендные договоры, возобновляемые навсегда, с правом выкупа, на такое количество лет, о котором можно было бы договориться. Я бы сделал так, чтобы в интересах моих работников было занимать или покупать землю рядом с моими тростниковыми угодьями, а не на расстоянии. Я бы доверился их признанной проницательности в создании продукта, который бы *приносил* им наибольшую прибыль. У меня был бы рынок труда у моих дверей; и у меня было бы свободное время моих работников, занятых выращиванием продукта, который должен быть доставлен на мои заводы для производства. Даже если в результате вся моя земля будет сдана в аренду или продана, я все равно получу достаточную прибыль от своей мануфактуры. Однако, по моему мнению, это было бы не так. Крупный собственник по-прежнему был бы основным возделывателем земли, а мелкий совмещал бы труд в поместьях с трудом на своей собственной земле по выращиванию тростника; как это имеет место на Барбадосе. Но этот взгляд на предмет, основанный на здравом смысле, не был общепринятым. Насколько мне известно, только на Барбадосе работники больших поместий выращивают сахарный тростник на своих собственных землях; и это одна из причин, почему рабочих Барбадоса нельзя привлечь в другие места. Там рабочий зависит от собственника в производстве своего небольшого урожая тростника, в то время как собственник зависит от него в отношении рабочей силы, когда это требуется. Эта взаимная зависимость привела к наилучшим результатам".

Когда губернатор. Хинкс посетил Канаду в апреле 1859 года, он получил обращение от Ассоциации образования цветного населения. Я привожу следующую выдержку из его ответа: "Хотя это мое собственное обдуманное мнение, что очень большое количество рабочей силы, которое сейчас тратится впустую в Вест-Индии или используется с меньшей прибылью, могло бы быть получено для выращивания сахара, я не готов признать, что успех значительной меры по освобождению должен быть проверен таким образом. Настоящим испытанием, как мне кажется, является прогресс африканской расы. Лучшим доказательством трудолюбия этой расы является то, что большое количество людей приобрело и продолжает приобретать крупные объекты недвижимости. Они подчиняются законам, заботятся об образовании своих детей и являются хорошими и верными подданными королевы. Еще есть много возможностей для улучшения; но я, безусловно, согласен со следующим заявлением лорда епископа Барбадосского, прелата, уважаемого всеми, кто пользуется его дружбой: "Я, конечно, думаю, что у нас есть все основания сказать, особенно на Барбадосе, что преимущества, полученные в результате отмены рабства, были настолько велики, насколько мы могли разумно ожидать за столь короткое время; на самом деле, гораздо больше, чем, я полагаю, когда-либо ожидали самые оптимистичные из нас ".

Мистер Чарльз Таппан из Бостона посетил Вест-Индию осенью 1857 г., а в январе 1858 г. губернатор Хин написал ему письмо, датированное Барбадосом, в ответ на некоторые вопросы, которые были ему адресованы. Оно было опубликовано в *National Era* и некоторых других газетах. Я привожу из него следующие выдержки. "Что касается жалобы на негров, что они ленивы и покинули сахарные плантации, я признаю, что в нескольких британских колониях плантаторы,

как правило, яростно отстаивали бы правильность обвинения. Я, однако, обязан подтвердить, что после самого тщательного расследования я не смог прийти к такому выводу. Нет сомнения, что положение рабочего класса на Барбадосе должно быть хуже, чем в любой другой колонии; ибо земля непомерно дорога - от 400 до 600 долларов за акр; в то время как заработная плата составляет от десяти пенсов до шиллинга (двадцати четырех центов) в день. В неделе всего пять рабочих дней, за исключением периода сбора урожая. При всех этих недостатках число мелких собственников на Барбадосе, владеющих менее чем пятью акрами земли, увеличилось за шестнадцать лет примерно с 1100 до 3537. Я очень сомневаюсь, что такое доказательство трудолюбивых привычек могло быть представлено в отношении аналогичного класса рабочих в какой-либо другой стране мира. Я привожу этот замечательный факт, чтобы доказать, что на этом острове не было недостатка в трудолюбии со стороны креолов африканского происхождения.

"Во всех тех Колониях, где сахарные плантации были частично заброшены, мы должны искать другие причины, помимо лени рабочих. Во всех этих Колониях земля в изобилии и сравнительно дешева; и мне нет нужды напоминать любому, кто знаком с землеустройством в Америке, что там, где земля в изобилии и дешева, рабочая сила будет дефицитной и дорогой. Негры в Гвиане и на Тринидаде следуют тем же путем, что и бедные ирландские эмигранты в Канаде или Соединенных Штатах; они стремятся обзавестись собственной землей и стать собственниками, а не рабочими. К сожалению, плантаторы никогда не проводили политику, рассчитанную на удержание рабочих на своих плантациях. По крайней мере, таково мое мнение. Я полностью убежден, что заброшенность поместий в большей степени вызвана землевладением, только на основании которого плантаторы сдают землю в аренду, чем по какой-либо другой причине.

"На этом острове не может быть никаких сомнений в том, что эмансипация была большим благом для всех классов. Поместья гораздо лучше обрабатываются и более экономичны. Недвижимость выросла в цене и является более надежным и выгодным вложением средств, чем во времена рабства. Владелец поместья, состоящего из трехсот акров земли, в двенадцати милях от морского порта, сообщает мне, что во времена рабства в поместье требовалось двести тридцать рабов и производилось в среднем сто сорок бочек сахара. Сейчас на нем работают девяносто свободных рабочих, и средний продукт за последние семь лет составил сто девяносто свиней. Во времена рабства это поместье стоило 15 000 фунтов стерлингов (72 675 долларов); во время ученичества оно было продано за 25 000 фунтов стерлингов (121 125 долларов); нынешний владелец приобрел его несколько лет назад за 30 000 фунтов стерлингов (145 350 долларов), которые, я не сомневаюсь, он мог получить за него в любой момент. Я мог бы умножить примеры, где результаты были схожими.

"Улучшение, произошедшее в религиозном положении всех классов, и прогресс образования вполне соответствуют тому, чего можно было разумно ожидать. Вы сами познакомились с людьми, которые когда-то были рабами, а теперь находятся в независимых обстоятельствах и пользуются большой долей общественного уважения. Невозможно сравнить нынешнюю статистику преступности с таковой во времена рабства; поскольку тогда подавляющее большинство обычных правонарушений, таких как мелкие кражи и нападения, не рассматривались мировыми судьями, а подвергались суровому наказанию управляющими и надсмотрщиками в поместьях. То, что сейчас существует гораздо большая безопасность для личности и собственности, чем во времена рабства, не подлежит сомнению".

Никогда эксперимент по освобождению не подвергался более суровым испытаниям, чем эксперимент по освобождению в Вест-Индии. Кажется, будто Бог намеревался доказать миру, что жизненная сила свободы нерушима. В дополнение к общему состоянию неплатежеспособности, до которого рабство довело плантаторов, и трудностям, сопровождавшим начало всех крупных изменений в социальной системе, произошло необычно большое количество случайных бедствий. В 1843 году землетрясение произвело ужасные разрушения на Подветренных островах. Из ста семидесяти двух сахарных заводов на Антигуа сто семнадцать были разрушены или около того. Треть домов в Сент-Джонсе была разрушена, а остальные слишком сильно пострадали, чтобы быть пригодными для жилья. Затем налетел ураган, который снес церкви, вырвал с корнем деревья, разрушил огромное количество домов и хижин, нанес огромный ущерб сахарному тростнику. И венцом всех несчастий была серия жестоких засух, год за годом. Между 1840 и 1849 годами было всего два сезона, когда посевы не сильно страдали от дождей. При таком сочетании бедствий тревоги и страдания владельцев Вест-Индии, должно быть, были действительно очень серьезными; и там, как и везде, было много людей, готовых и жаждущих приписать все свои беды освобождению. И все же восстанавливающая сила свободы такова, что комиссары, отправившиеся в Гвиану в 1850 году, чтобы разобраться в положении вещей, сообщили: "Налицо все признаки перемен к лучшему. Расширилось возделывание и увеличился урожай. Трудоспособное население работает более стабильно и демонстрирует признаки быстрого улучшения".

В первой части этого Трактата упоминалось, что за двенадцать лет рабства рабочий класс на одиннадцати островах *сократился* более чем на 60 000 человек. За двенадцать лет, последовавших за освобождением, в десяти колониях их число *увеличилось* более чем на 54 000 человек. Один этот факт является важным свидетельством огромных изменений к лучшему в их состоянии.

Следующую статистику я копирую из хорошей статьи в *Edinburgh Review*, апрель 1859 г. Они цитируются из Колониальных отчетов:—

Барбадос. За десять лет, "между 1842 и 1852 годами, экспорт сахара увеличился на 27 240 бочек". В отчете за 1851 год говорится: "В этом году с этого острова было отправлено больше сахара, чем за любой год с тех пор, как он был заселен; и примечательным фактом является то, что в этом году будет произведено больше сахара для *рабочих*, чем раньше. Под сахаром для рабочих подразумевается тот, который выращивается неграми на их собственных участках земли и отправляется на фабрику владельца для производства". В отчете за 1853 год сообщается о "значительном росте торговли. Пока что успех возделывания земли свободным трудом несомненен". Отчет за 1858 год: "Значительное увеличение стоимости экспорта". "Значительная доля земли, приобретенная трудящимися классами, представляет собой поразительное свидетельство их трудолюбия".

Багамские острова. В 1851 году губернатор сообщает о "большой и важной перемене к лучшему" в положении людей, которую он в основном приписывает "улучшению образования". О быстроте, с которой развиваются эти острова, свидетельствует тот факт, что экспорт и импорт увеличились за один год, с 1854 по 1855, £102,924 (\$498,666.78).

Гренада. Доходы за 1851 и 1852 годы показывают увеличение товарооборота, составив 88 414 фунтов стерлингов (428,355,83 доллара). Отчет 1858 года: "Удовлетворенность, по-видимому, пронизывает все классы общества". "Из рабочего класса уже выросла

собственническая организация значительного масштаба и важности". "Состояние финансов наиболее удовлетворительное". "Выращивание сахара занимает значительную территорию". Отмечается значительный рост экспорта сахара, рома и какао. Несколько замечаний по поводу нехватки рабочей силы.

Антигуа.—Отчеты за 1858 год: "Отчеты о доходах свидетельствуют об удовлетворительном росте торговли и коммерческого бизнеса, последовавшем за возрождением процветания сельского хозяйства". (В 1847 году из-за резкого падения цен на сахар наступила депрессия.)

Доминика.—Отчет за 1853 год: "Устойчивое поддержание производства вселяет надежду на будущее". Отчет за 1857 год: "Экспорт демонстрирует значительный рост". "Очень значительное увеличение доходов и столь же заметное увеличение объема импорта". В отчете за 1858 год губернатор говорит о растущей независимости рабочих, проявляющейся "в небольших зарослях тростника и маленьких деревянных мельницах, тут и там усеивающих равнины вокруг".

Гвиана.— В 1852 году губернатор сообщает, что падение цен на сахар в 1847 и 1848 годах (из-за отмены тарифа) было "настолько внезапным и огромным, что в тот кризис почти уничтожило Колонию". Но далее он заявляет, что "доходы сейчас растут, население увеличивается, образование распространяется, преступность снижается, а торговля растет".

Монтсеррат.— В 1853 году губернатор сообщает о "росте доверия, предприимчивости и промышленности". "Улучшение состояния общества допускается всеми". "Ни один остров в этих морях не демонстрирует более решительной тенденции к социальному и моральному возрождению и совершенствованию. Сельское население тихое, довольное и упорядоченное".

Невис.— (Это очень маленький остров; размером примерно с обычный город в Новой Англии.) Отчет за 1857 год: "Дороги выглядят так, как будто большая часть населения переделалась в новую одежду; и в гавани, так часто пустынной, я теперь насчитал десять судов со значительным грузом". "Похоже, сейчас здесь действует трудолюбивый дух совершенствования".

Сент-Китс.—Отчет за 1856 год: "Сейчас производится большее количество сахара, чем во времена рабства" (хотя и на меньшей площади). Отчет за 1858 год: "Перспективы развития сельского хозяйства на острове весьма обнадеживающие. Его финансовое состояние остается удовлетворительным; восстанавливается и уровень образования. Посещаемость школ неуклонно растет. Преступность неуклонно снижается. За один год, с 1856 по 1857 год, торговля увеличилась £106,233" (\$514,642.88).

Сент-Люсия.—Отчет за 1853 год: "Ни в один период ее истории не было большей площади обрабатываемых земель, чем в настоящий момент". Между четырьмя годами, закончившимися в 1842 году, и четырьмя годами, закончившимися в 1856 году, увеличение экспорта сахара составило 1 803 618 фунтов.

Сент-Винсент.— В 1857 году губернатор описывает "действительно здоровое состояние Колонии в настоящее время и обнадеживающие и многообещающие перспективы на будущее". Он описывает растущие деревни, растущее число фригольдеров и арендаторов, а также неуклонный прогрессивный рост стоимости импорта. За один год, с 1856 по 1857

год, импорт и экспорт увеличились на 156 633 фунта стерлингов (758 886,88 доллара); и он недвусмысленно приписывает это "возросшему культивированию и процветанию". В 1858 году он описывает Колонию как "находящуюся в наиболее удовлетворительном состоянии". "Сельскохозяйственные операции в значительной степени расширились". "Ожидания дальнейшего прогресса и процветания полностью оправдались".

Тобаго.—В 1852 и 1853 годах отчетность была плачевной; но в 1856 году была принята улучшенная финансовая система, результатом чего стал Отчет 1858 года, в котором сообщалось о "заметном улучшении доходности". Губернатор описывает рабочих как "хорошо воспитанных и трудолюбивых".

Тортола.—Этот остров во времена рабства экспортировал 15 559 тонн сахара. Сейчас он вообще ничего не экспортирует. Но изменение - это исключительно преимущество. Оно замечательно приспособлено для разведения скота. "Люди, за редким исключением, являются владельцами крупного рогатого скота, которым они распоряжаются с большой выгодой". "Рабочие, по-видимому, полностью осознают преимущества образования для своих детей, и последние проявляют большое желание воспользоваться предлагаемыми им возможностями".

Тринидад процветает. В 1852 году урожай был самым большим из когда-либо вывозимых с острова; и с тех пор он растет. Со времен рабства торговля в целом значительно возросла. В отчете за 1853 год говорится о "заметном улучшении возделывания сахарных плантаций". Экспорт сахара вырос в среднем с 310 797 тонн при рабстве до 426 042 тонн. за семь лет, закончившихся 1854 годом.

Автор в *Edinburgh Review* говорит: "Эти конкретные описания нескольких островов подтверждаются статистикой и отчетами, которые относятся к нашей Вест-Индии *в целом*. Чтобы не подумали, что эти выдержки тщательно подобраны, чтобы произвести особое впечатление, и что, если бы читатель имел перед собой *целые* Отчеты, он обнаружил бы жалобы и сетования, мы можем сразу сказать, что они кажутся нам прекрасными образцами взглядов губернаторов, а также других джентльменов, знакомых с Вест-Индией. Больше не слышно жалоб. По всем этим Колониям надежда и поздравления, похоже, заняли место раздражения и отчаяния. Во всех случаях, чем позже поступает отчет, тем более отрадным он оказывается.

"Людям бизнеса одного факта будет почти достаточно, чтобы показать хорошее коммерческое состояние этих колоний; а именно, что в 1857 году Колониальный банк получил векселя из Вест-Индии на сумму более 1 300 000 фунтов стерлингов (6 298 500 долларов); и было возвращено менее 8 000 фунтов стерлингов (38 760 долларов). Также не было ни одного сбоя в торговле Вест-Индией во время тяжелого коммерческого кризиса того года. Более того, кофе, хлопок, шерсть, сахар, ром и какао экспортируются во все возрастающих количествах. Общий объем экспорта из Великобритании в Вест-Индию в 1857 году был оценен в на полмиллиона больше (2 422 500 долларов), чем в среднем за предыдущие десять лет".

Мистер К. Бакстон произнес речь в британской палате общин в марте 1859 года, в которой сказал: "Поскольку труд свободен, а торговля свободна, Вест-Индия сейчас достигает небывалых прежде высот богатства и счастья. Для меня было бы невозможно представить Палате Представителей огромную массу доказательств, свидетельствующих об этом факте. Я уверен в этом от коммерсантов, я нахожу это убедительным подтверждением в Отчетах губернаторов Островов и в статистических данных, представленных Министерством торговли.

За четыре года, с 1853 по 1857 год, экспорт и импорт Вест-Индии и Гвианы увеличился на 4 500 000 фунтов стерлингов (21 802 500 долларов). Учитывая, какими мелкими пятнышками выглядят эти острова на карте Америки, удивительно, что их товарооборот туда и обратно в 1857 году фактически составил 10 735 000 фунтов стерлингов (52 011 075 долларов). Совершенно абсурдно предполагать, что это процветание объясняется иммиграцией нескольких тысяч рабочих; и на самом деле острова, которые не принимали иммигрантов, столь же процветают, как и те, которые приняли. Заинтересованные стороны описывают негров как варваров и праздных; но я нахожу достаточно доказательств того, что они живут в условиях высокой степени трудолюбия и комфорта; хотя я признаю, что они несколько предпочитают работать на приобретенных ими землях, а не по найму".

"*эдинбург ревью*" завершает свой массив доказательств словами: "Долгое и тщательное расследование этого дела непреодолимо привело нас к выводу, что просто как сухой вопрос *экономии* эмансипация *окупилась*; что это был акт благоразумия, за который нам, как нации лавочников, не нужно краснеть перед этим золотым богом, которому, как считается, мы так рьяно поклоняемся. Рабство и монополия вели Вест-Индию к разорению. При свободном труде и свободной торговле они растут к богатству. С каждым годом они все больше и больше обогащают нас богатствами своей плодородной почвы. Вместо того чтобы быть чумой государственных деятелей и позором Англии, они становятся бесценным достоянием британской короны. Никогда ни одно деяние ни одной нации не показывало более наглядно, что поступать правильно - это самое настоящее *благоразумие*, чем великое деяние Освобождения".

ГЛАВА V. ЯМАЙКА. [6]

Я выделил Ямайку в отдельный раздел, потому что эмансипация там шла менее успешно, чем где-либо еще, и причины этого нуждаются в некотором объяснении. Я уже упоминал о причинах, приведших к разорению всю Вест-Индию до эмансипации. Они действовали на Ямайке так же сильно, как и везде. Они были прокляты той же самой системой принуждения, которая, по-видимому, изобретательно придумана для того, чтобы сделать рабочих ленивыми и бездельничающими и настроить их в самое упорное противостояние своим работодателям. Среди белого населения существовало такое же высокомерное презрение к полезным занятиям, которое неизбежно влечет за собой экстравагантность и распутство. Там была все та же дорогостоящая свита адвокатов, управляющих и бухгалтеров со своими любовницами, слугами и лошадьми, которых нужно было содержать за пределами поместья. Имела место та же небрежность и мошенничество, вызванные отсутствием собственников, поскольку "девять десятых земли на Ямайке принадлежали отсутствующим лицам, в основном проживавшим в Англии". Существовала все та же неразумная система распределения земли под большие плантации, полностью исключавшая мелких фермеров, поскольку рабство всегда делало существование среднего класса невозможным. Была та же отчаянная игра в займы и закладные, закончившаяся всеобщей неплатежеспособностью. Мистер Бигелоу, один из редакторов газеты "*Нью-Йорк Ивнинг пост*", посетил Ямайку в 1850 году и тщательно изучил положение вещей. Он говорит: "Остров был совершенно неплатежеспособен в тот день, когда

был принят закон об освобождении. Почти каждое имущество было заложено дороже, чем оно того стоило, и требовало больше процентов, чем оно могло выплатить. Никто, кто хоть немного осведомлен по этому вопросу, не будет спорить тот факт, что вся культурная недвижимость Ямайки в 1832 году не была бы продана за сумму, достаточную для погашения обременений. Этот факт рано или поздно должен был быть раскрыт, даже если бы рабству было позволено продолжаться. Банкротство было неизбежно; и быстрое обесценивание недвижимости, конечно, стало бы одним из первых плодов такой катастрофы. Акт Эмансипации не вызвал, он только ускорил результат, который был неизбежен. Это привело к установлению баланса между должниками и кредиторами, что скорее выявило, чем породило бедность, которую теперь невозможно скрыть никакими усилиями".

Таблицы экспорта показывают снижение сахара за десять лет, закончившихся 1830 годом, на 201 843 бочки.

Эти недостатки Ямайки были общими с другими Колониями, за исключением, возможно, того, что бремя долгов там было несколько тяжелее, чем где-либо еще. Почему же тогда ее жалобы были намного громче и продолжительнее, чем жалобы ее соседей? Я думаю, что самую вескую причину следует искать в том факте, что дух рабства был там более жестоким и непреклонным, чем в других колониях. Между хозяевами и рабами царила более ожесточенная вражда, проявлявшаяся в шокирующем варварстве с одной стороны и частых бунтах и восстаниях - с другой. Было более яростное противодействие отмене смертной казни и более упрямая решимость заставить ее работать плохо, если это возможно. Большая группа плантаторов предсказывала разорение, и они, казалось, решили, что скорее *будут* разорены, чем окажутся лжепророками. Доктор Коук, один из миссионеров, говорит: "Преследования, которым мы подверглись на Ямайке, намного превосходят, *очень* намного, все преследования, которые мы пережили на всех других островах, взятых вместе". Те, кто открывал свои дома этим религиозным учителям, во многих случаях чудом избежали забивания камнями до смерти. Преподобный мистер Блеби говорит: "Будучи полны решимости увековечить рабство, они решили сделать все возможное, чтобы избавиться от христианства и держать свой народ в языческой тьме. Все белое население Ямайки объединилось в Ассоциацию, которую они называли Союзом колоний; общепризнанной целью которой было изгнать всех инструкторов негров с острова. Восемнадцать наших церквей были сровнены с землей. Они затащили миссионеров в тюрьму, заставили лжесвидетелей поклясться против них, обращались с ними с жестокостью и делали все, что могли, чтобы положить конец их трудам". Один из методистских миссионеров умер в темнице из-за жестокого обращения, которому он подвергся со стороны жестоких сторонников рабства.

Автор в "*Эдинбург Ревью*" называет еще одну причину медленного прогресса улучшения положения на Ямайке, а именно "в высшей степени плохое правительство". Налогообложение было и остается репрессивным, а финансовые механизмы, как говорят, были очень неразумными. Еще в 1854 году губернатор сэр Чарльз Грей заявил: "Нет никакой системы или последовательности в ведении финансовых дел Колонии; нет ни одного признанного органа правительства или законодательной власти, который обладал бы полномочиями осуществлять эффективные и всеобъемлющие изменения".

Было небольшое меньшинство плантаторов и торговцев, которые сожалели о насилии и слепой политике большинства; но они рискнули бы своим имуществом, если не жизнью, осмелившись

выразить неодобрение. Волнение чрезвычайно усилилось в 1832 году из-за грозной попытки восстания, вызванной многочисленными митингами и пламенными речами плантаторов, из которых рабы поняли, что британское правительство сделало их свободными и что их хозяева действуют вопреки этому.

Таково было сообщество, в котором 1 августа 1834 года была введена модифицированная свобода, называемая ученичеством. В обращении, произнесенном в Массачусетсе в 1858 году, преподобный мистер Блеби сказал: "Я был на Ямайке, когда рабство было отменено. В этот день, двадцать четыре года назад, я встал поздно ночью в одной из подопечных мне церквей. Это была очень большая церковь; проходы, лестницы на галерее, место для причастия, лестница за кафедрой - все было переполнено; и тысячи людей стояли вокруг здания, у каждой открытой двери и окна, заглядывая внутрь. Было десять часов вечера 31 июля. Мы сочли правильным, что наш христианский народ должен получить свою свободу, как милость от Бога, в молитвенном доме; и мы собрали их вместе в церкви на полуночную службу. До того времени наши рты по поводу рабства были закрыты. Мы не могли бы процитировать отрывок, который имел бы отношение даже к *духовной* эмансипации, не подвергая опасности наши жизни. У плантаторов был закон о "конструктивной государственной измене", который приговаривал к смерти любого человека, который использовал выражения, разжигающие желание свободы среди рабов; и они находили государственную измену в Библии, а подстрекательство к мятежу - в гимнах Уоттса и Уэсли; и нам приходилось быть очень осторожными в их использовании. Вы можете себе представить, с какими чувствами я увидел себя освобожденным от этого рабства и свободным провозгласить свободу пленнику и открыть двери тюрьмы для тех, кто был связан. Я взял за основу текст: "Провозгласите свободу по всей земле, всем ее жителям!" Для вас это будет юбилей". За несколько минут до полуночи я попросил всех людей преклонить колени в безмолвной молитве Богу, как и подобает торжественности этого часа. Я смотрел сверху вниз на них, когда они преклонили колени. Тишину нарушали только рыдания, которые невозможно было подавить. Часы начали бить. Это был похоронный звон по рабству во всех британских владениях! Он провозгласил свободу 800 000 человек! Когда я сказал им, что они могут восстать, какой взрыв радости поднялся среди этой массы людей! Часы перестали бить, и они больше не были рабами! Матери прижимали к груди своих младенцев, седовласые старики обнимали своих детей, а мужья сжимали в объятиях своих жен. Мало-помалу все снова стихло, и я исполнил гимн. Вы можете себе представить, с какими чувствами кричали эти люди, только что вышедшие на свободу, — ибо они буквально *кричали*,

"Пошли радостную весть с моря!

Его цепи разорваны, раб свободен!"

ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЛАНТАТОРОВ В 1837 ГОДУ.

Через три года после этого события мистер Том посетил Ямайку. Он постоянно сталкивался с людьми, полными старых рабовладельческих предрассудков. Они рисовали печальные картины неблагодарности и лени негров. По их словам, дела и так плохи, но они были уверены, что будут еще хуже, когда рабочие станут полностью свободными в 1840 году. Тщетно было пытаться утешить их, рассказывая, как хорошо сработала немедленная эмансипация на Антигуа. Они выслушали это с недоверием и вернулись к своему старому заявлению, что негры не будут

работать, если их не выпороть. Когда их освободят, они, конечно, будут грабить, убивать, умирать с голоду - делать что угодно, только не трудиться. "Там были бы сцены резни и разрухи, не имеющие аналогов в наше время". Мистер Томсон, один из местных магистратов Сент-Эндрюса, принадлежал к этой старой школе, которая до последнего момента сопротивлялась любому изменению системы. И все же он завершил свои ужасные предсказания осуждением рабства. Он сказал, что человек по природе своей тиран, и нельзя отрицать, что при рабстве практиковались самые ужасные жестокости. Он признался, что раньше ему было очень неприятно ночевать в любом из своих поместий за городом. Если обстоятельства вынуждали его провести там ночь среди своих рабов, он не только запирали дверь на засов, но и из предосторожности забаррикадировал ее. Теперь он ничего не боялся. Одно он был готов сказать в пользу негров: они были очень умеренным народом; редко можно было увидеть кого-то из них пьяным. Аналогичные признания были сделаны и другими плантаторами старой школы; но все они настаивали на мнении, что в 1840 году, когда хозяева утратят ту сдерживающую силу, которой они обладали сейчас, будут неприятности. Самое лучшее, чего можно было ожидать, - это того, что негры "все уйдут в леса, будут выращивать батат в количестве, достаточном для поддержания своей жизни, и вскоре все скатятся к африканскому варварству".

Очевидно, что люди, столь полностью находящиеся во власти страстей и предрассудков, вряд ли были способны разумно использовать власть; и, к сожалению, система ученичества, которая задумывалась как благотворная подготовка к свободе, оказалась не чем иным, как источником раздражения для обеих сторон. Это отняло у рабов определенные привилегии, которые законы и обычаи ранее обеспечивали им, и не компенсировало этого, предоставляя им стимулы и преимущества в виде заработной платы. С другой стороны, новая система сковала хозяев до такой степени, что держала их в состоянии раздражения, в то время как она оставляла им достаточно власти, чтобы проявлять свой дурной нрав, постоянно досажая своим слугам. На предыдущих страницах я приводил мнение различных плантаторов и магистратов о том, что эта система плохо работала во всех Колониях; но на Ямайке она принесла в высшей степени вред, потому что там болезнь рабства носила особенно злокачественный характер. Рабочие больше не были *собственностью*; и у суровых хозяев не оставалось никаких *других* претензий на внимание, когда это исчезло. Они решили, что все негры бросят работу в 1840 году, и все, что их заботило, - это выжать как можно больше из своих костей и сухожилий *до* этого времени. Все дети младше шести лет были безоговорочно свободны. Какое значение имело для плантаторов, будут ли "маленькие черные дьяволы" (как они их называли) жить или умрут? Среди подмастерьев была мать, которую отпустил ее хозяин. Ее ребенок серьезно заболел; и ее работодатель сказал, что это не его дело - предоставлять врача или сиделку. С маленьким страдальцем на руках она пошла к своему хозяину за помощью; но он выгнал ее на улицу. Теперь делом людей было заботиться о своих собственных "сорванцах". Она нашла убежище в доме цветного мужчины, и там ребенок умер до наступления утра.

Поддерживалась постоянная система провокаций. Мастера и их белые подчиненные забирали продукты со складов подмастерьев, не платя им. В припадках гнева они иногда уничтожали свои маленькие огороды или уносили их, когда рос урожай. Магистраты были завалены жалобами, большинство из которых носили мелкий характер. Надсмотрщик крикнул бы: "Работай быстрее, черный негодяй! или я ударю тебя". Если ученик отвечал: "Ты *не* можешь ударить меня сейчас", его тащили к мировому судье и наказывали за дерзость. Тот факт, что право наказания было передано по закону от магистрата к магистратам, доказывал весьма недостаточную защиту,

поскольку магистратами, как правило, были плантаторы или друзья плантаторов. Если кто-то из них проявлял склонность быть гуманным или даже справедливым по отношению к ученикам, немедленно начинались махинации, направленные на то, чтобы его выгнали с должности. В результате значительная часть из них была беспринципными людьми, всего лишь эгоистичными орудиями деспотизма. Негры выразили это кратко, сказав: "Если масса говорит выпороть их, он их выпорет; если масса говорит отправить их на тред-милл, он их пошлет". Их общей жалобой на судей было: "Они отравились черепаховым супом массы"; так они определяли влияние хороших обедов. Один из миссионеров пожаловался мистеру Тому на машину для порки, изобретательно сконструированную для пыток и установленную совсем рядом с его домом. Он сказал, что, когда пришло известие о том, что губернатор собирается посетить деревню, мировой судья приказал убрать машину и спрятать ее в кустах. Мистер Том присутствовал на еженедельном суде, где председательствовал справедливый и гуманный мировой судья. Он говорит: "Менеджеры, контролеры и бухгалтеры - все набросились на него, как ищейки на оленя. Казалось, они скрежещут на него зубами в бессильной ярости. Он заверил нас, что сталкивался с подобными унижениями в большинстве поместий каждый раз, когда проводил свои суды. Из того, что мы увидели в тот день, мы убедились, что только очень бесстрашные и добросовестные люди могут быть верными магистратами на Ямайке". Мистер Том рассказывает анекдот, рассказанный ему специальным магистратом, в присутствии которого это произошло. Это показывает, как трудно было людям, давно привыкшим к произволу власти, подчиняться благотворным ограничениям закона. Мировой судья оштрафовал менеджера на 108 долларов за различные акты притеснения, на которые жаловались и которые были доказаны его учениками. Преступник попросил разрешения заговорить; получив разрешение, он разразился криками в порыве страсти: "О Боже мой! Неужели до этого дошло? Эти люди должны подвергать сомнению мое поведение? Должны ли посторонние посягать на мою власть? О Боже мой! Боже мой!" Он снова упал на руки одного из своих бухгалтеров, и его вынесли из суда в конвульсиях.

Преподобный Джеймс Филиппо, который двадцать лет был баптистским миссионером на Ямайке, говорит: "За короткий двухлетний период 60 000 учеников получили в общей сложности четверть миллиона ударов плетью; и пятьдесят тысяч других наказаний с помощью бегового круга, цепочки и других видов узаконенных пыток. Вместо уменьшения страданий негритянского населения к ним добавилось ужасающее увеличение, вызвавшее такую степень недовольства и раздражения, которая никогда не проявлялась даже при прежней системе. Если бы не влияние губернатора, миссионеров и некоторых специальных должностных лиц, это, вероятно, переросло бы в открытое всеобщее восстание".

ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ НЕГРОВ В 1837 ГОДУ.

Путешествуя по сельским округам, мистер Том беседовал со многими учениками. Он говорит: "Все они считали ученичество очень тяжелым, но все же в целом это было лучше, чем рабство. Затем их *"убили слишком жестоко"*. Все это было хлестко, хлестко! Теперь их нельзя было выпороть без разрешения магистрата. Тем не менее, некоторые мастера были очень суровыми; и со многими подмастерьями обращались так жестоко, что они убегали в леса. Они все должны были радоваться, когда пришла свобода.

Они рассказали душераздирающий рассказ о жестокостях беговой фабрики. Иногда их жен привязывали к колесу, когда они были беременны. Они очень страдали от этого, но ничего не могли поделать. Мы спросили, почему они не пожаловались магистратам. Они ответили, что магистраты не обратят никакого внимания на их жалобы; и, кроме того, это только ухудшит отношение к ним хозяев. Один из них сказал: "Мы идем к мировому судье, и ден, когда мы вернемся, масса сделает все, что в его силах, чтобы досадить нам. Он обхаживает (дразнит) нас, и обхаживает, и обхаживает; бухгалтер проклинает нас и лечит; констебль бранит нас и обзывает грубыми словами; и все они пытаются вывести нас из себя; поэтому иногда мы говорим что-то не то, и тогда они отводят нас к магистрату за дерзость".

"Мы спросили их, что они думают о том, что домашние рабы были освобождены в 1838 году, в то время как *им* пришлось оставаться подмастерьями еще на два года. Они сказали: "Это достаточно плохо; но мы знаем, что *закон* таков; и ради мира мы будем удовлетворены. Но в мыслях мы ропщем. "Один из магистратов сказал нам, что в нескольких поместьях домашняя прислуга объявила о своей решимости оставаться подмастерьями до тех пор, пока все рабочие на полях не будут свободны, назвав в качестве причины то, что они хотят отпраздновать юбилей все вместе.

"Мы спросили, собираются ли они делать все, что им заблагорассудится, когда окажутся на свободе. Они ответили: "Мы не смогли бы жить *беззаконно*. В других странах, где они свободны, разве у *них* нет закона?" Мы спросили, что они собираются делать со старыми и немощными. Они сказали: "Мы поддержим дем. Они воспитывали нас, когда мы были пиканинами, и теперь, когда мы стали взрослыми, мы должны заботиться о них". Мы спросили, будут ли они работать, когда будут свободны. Они ответили: "Во времена рабства мы работали, *даже с кнутом*; *теперь* мы работаем лучше; что мы будем делать, когда станем *свободными*? *Мы не будем работать, когда нам заплатят!*" Это было сказано так искренне, что мы не могли не признать себя убежденными. Некоторым из них пришлось слишком далеко ехать на рынок, чтобы вернуться до воскресенья. Один из них сказал нам со слезами на глазах: "Я заявляю вам, масса, если только Господь пощадит нас, чтобы мы были свободны, мы станем гораздо более религиозными. Мы будем мудры ко многим другим вещам".

БЛАГОПРИЯТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЛАНТАТОРОВ В 1837 ГОДУ.

"В Эмити-холле мистер Киркленд, управляющий поместьем, представил нас своей жене и нескольким очаровательным детям. Это был первый и последний *семейный круг*, который мы увидели в этой распущенной Колонии. Пестрые группы цветных детей, которые мы находили в других поместьях, свидетельствовали о домашних нравах плантаторов. Мистер Киркленд считал отмену рабства великим благословением для Колонии. Он сказал, что ученичество было ужасно плохой системой, но в его поместье все шло гладко. Он сказал, что негры из Эмити-Холла раньше слыли худшей бандой в приходе; а когда он приехал в поместье, то обнаружил, что о них не говорили и половины правды. Но они стали удивительно миролюбивыми и подчиненными. Он сказал, что с нетерпением ждет 1840 года с самой оптимистичной надеждой. Он верил, что полная свобода станет возрождением острова. Сорок свободных людей дали бы столько же, сколько восемьдесят рабов. Если работники и покинули какое-либо из поместий, то только из-за жестокого обращения, которому они подверглись. Он знал многих жестоких надсмотрщиков и не удивился бы, если бы *они* потеряли часть своих работников или всех их.

"Мистер Гордон, управляющий поместьем Уильямсфилд, является одним из прекраснейших представителей семейства плантаторов. У него от природы великодушный нрав, который, как и у мистера Киркланда, пережил тяготы рабства. Он сообщил нам, что его люди работали так же хорошо, как и при рабстве; и у него были все основания полагать, что они будут работать еще лучше после того, как станут полностью свободными. Он сказал, что часто нанимал своих людей по субботам, и это было замечательно, с какой еще большей энергией они работали, когда должны были получать заработную плату. Пятьдесят свободных людей сделали бы столько же, сколько сотня рабов. Он осудил систему вожделения, к которой прибегали очень многие плантаторы.

"Эндрю Райт, эсквайр, владелец поместья Грин Уолл, был описан нам как очень дружелюбный, добрый человек, который никогда в жизни ни с кем не ссорился. У него было сто шестьдесят подмастерьев, и он сказал, что они были настолько миролюбивы и трудолюбивы, насколько он мог пожелать. Он сказал, что там, где были проблемы с людьми, по его мнению, это было из-за плохого управления. Он был совершенно уверен, что его работники не покинут его после 1840 года.

"Мистер Брайант, управляющий поместьем Бельвидер, сказал, что у него не было проблем со своими подмастерьями. Они выполняли столько же работы в течение того периода времени, сколько и во времена рабства; но закон предоставлял им полтора дня для себя и не требовал, чтобы они работали так рано утром или так поздно ночью. Он сказал, что подмастерья не хотели работать на своих хозяев в субботу за обычную плату, которая составляла около четверти доллара. Проведя расследование, мы выяснили, что причина заключалась в том, что они могли зарабатывать в два или три раза больше, обрабатывая свои огороды и доставляя продукцию на рынок. По ночам, когда они не могли работать на своей территории, он сказал, что они очень весело работали на своих хозяев. Там, где было мягкое управление, он не сомневался, что негры останутся и будут хорошо работать.

"В Бате мы встретились с владельцем кофейни, который очень благоприятно отзывался о своих работниках. Он сказал, что они были настолько аккуратны и трудолюбивы, насколько он мог пожелать; он пользовался их доверием и не сомневался, что сохранит его и после того, как они будут полностью свободны. Он был уверен, что, если плантаторы будут вести себя должным образом, эмансипация станет благословением для всей Колонии".

ПОКАЗАНИЯ МИРОВЫХ СУДЕЙ В 1837 ГОДУ.

Уильям Х. Андерсон, эсквайр, генеральный солиситор, сделал письменное заявление, из которого я извлекаю следующее: "С тех пор, как было отменено рабство, в настроениях общества произошли очень существенные изменения к лучшему. Религия и образование раньше выступали против, как подрывающие безопасность *собственности*; теперь они поощряются самым прямым образом, как ее лучшая поддержка. Многие собственники отдают землю под школы и часовни, а также подписываются на большую сумму. Если бы негры были полностью эмансипированы в 1834 году, они продвинулись бы гораздо дальше в 1840 году, чем они могут быть в конце ученичества, во время которого тяжело трудятся как хозяева, так и слуги. В том, что негры будут работать, если им будет выплачиваться умеренная компенсация, не может сомневаться ни один честный человек. Их стойкость ради очень небольшой выгоды просто поразительна; и они очень хотят обеспечить себе и семьям как можно большую долю удобств и приличий жизни. Я не слышал, чтобы хоть один человек утверждал, что возвращение

к рабству было бы выгодно, даже если бы это было практически осуществимо; и я полагаю, что общественность начинает убеждаться, что рабский труд не самый дешевый. На мой взгляд, негры очень остры в своем восприятии справедливости и несправедливости. Они в полной мере осознают преимущества справедливого законодательства и безоговорочно подчинились бы ему, если бы они чувствовали уверенность в чистоте его применения. Они горячо привязаны к британскому правительству и были бы привязаны к колониальному, если бы оно указывало на какие-либо добрые намерения или защиту по отношению к ним; но до сих пор законодательные акты, касающиеся их, были почти полностью принудительными. Они очень стремятся к образованию и религиозному наставлению; ни один человек, занимавшийся этим вопросом, не может этого отрицать. Брак раньше был неизвестен среди них. Их хозяева считали их скотинами, жаждущими труда и приумножения, и я боюсь, что они сами стали так себя считать. Но сейчас наложничество приобретает весьма сомнительную репутацию, и многие женятся на тех, с кем они раньше жили в таких отношениях. Частичное изменение рабства сопровождалось таким значительным улучшением всего, что составляет благосостояние и респектабельность общества, что я не сомневаюсь, что при полной отмене всех старых ограничений выгоды увеличились бы".

"Чейни Гамильтон, эсквайр, один из специальных судей Порт-Ройяла, сказал, что в его округе три тысячи учеников. Они были такими же тихими и трудолюбивыми, как и всегда, и всегда были готовы работать в свободное от работы время за зарплату. Район никогда не был так хорошо обработан. Мастера ничего не делали для образования учеников. Их единственной целью, казалось, было заставить их работать как можно больше. Жалобы, поступавшие на его рассмотрение, в основном исходили от плантаторов и носили тривиальный характер, такой как мелкие кражи и отсутствие на работе. Он сказал, что если бы мы сравнили жалобы, поданные надсмотрщиками и подмастерьями друг на друга, мы бы сами увидели, какая сторона была наиболее миролюбивой и законопослушной. Недвижимость стала более ценной, чем до эмансипации. Собственность стала более надежной, и капиталисты, следовательно, более готовы вкладывать свои средства".

Из письменных показаний Э. Б. Лайона, эсквайра, судьи по особым поручениям, я извлекаю следующее: "В поместьях долины Голубых гор, которыми я руковожу, работают 4227 подмастерьев. Когда я приступил к исполнению обязанностей специального судьи, они были самыми беспорядочными на острове. Они были почти в отчаянии от разочарования, обнаружив, что их ограничения по новому закону почти такие же обременительные, как и по старому, а их положение во многих отношениях гораздо более невыносимое. Но во многих случаях они с необычайным терпением переносили зло, которое было тем более тяжким, что причинялось под притворной санкцией закона, пришествие которого, как они ожидали, сопровождалось бы чередой благословений. Мне удалось установить удовлетворительные отношения между мастерами и подмастерьями; и ни одно крестьянство в самой благоприятствуемой стране на земном шаре не могло быть более безупречным в нравственном отношении и поведении, чем большинство подмастерьев в этом округе с начала 1835 года. Моей приятной обязанностью было месяц за месяцем докладывать губернатору об улучшении их манер и состояния, а также о большем объеме работы, чем во времена рабства. О том, что собственники уверены в завтрашнем дне, свидетельствует дорогостоящий ремонт зданий в различных поместьях, расширение работ и высокие цены, установленные за землю, которая во времена рабства вряд ли нашла бы покупателя по какой-либо цене. В моем округе подмастерья неизменно готовы работать в поместьях по найму в свободное от работы время. Ни в одном сообществе мира

преступность не распространена так широко. Предъявленные мне обвинения в основном носят тривиальный характер; например, опоздание или нетерпеливый ответ. На самом деле, большинство подмастерьев в поместьях спокойно выполняли свой долг и уважали законы. Боюсь, ученичество замедлило скорость, с которой должна была развиваться цивилизация, и посеяло семена чувства, еще более горького, чем то, которое породило рабство".

СВИДЕТЕЛЬСТВО МИССИОНЕРОВ В 1837 ГОДУ.

Преподобный мистер Крукс из Уэслианской миссии сказал мистеру Тому: "Со времени отмены рабства во многих отношениях произошли значительные улучшения. Препятствия для религиозных усилий значительно уменьшились; но этим мы обязаны главным образом защите британского законодательства. Я верю, что многие плантаторы до сих пор преследовали бы миссионеров и снесли бы их часовни, если бы посмели. Я ненавижу систему подмастерьев. В лучшем случае, это всего лишь смягченное рабство. Я убежден, что немедленная и полная эмансипация была бы гораздо лучшей политикой". Преподобный Джонатан Эдмонсон и преподобный мистер Вулдридж согласились в своих показаниях, что плантаторы в целом "сравнительно ничего не делали для подготовки негров к свободе". "Их единственной целью, казалось, было получить от них как можно больше работы до 1840 года". "Их поведение было рассчитано на то, чтобы сделать подмастерьев своими злейшими врагами".

Уэслианский миссионер в Бате сказал: "Среди негров есть несколько плохих личностей, как и везде, среди людей всех классов. Но в целом они послушны и хорошо воспитаны. Они стремятся к обучению. Проработав весь день, они проходят несколько миль до наших вечерних школ и бодро остаются там до девяти часов. Матери с грудными младенцами на руках стоят вечер за вечером на наших занятиях, изучая алфавит. Если им удастся достать хотя бы листок из книги, они делают его своим постоянным спутником. Их очень легко завоевать добрыми делами. Иногда они раздражаются слезами и говорят миссионерам: "Масса, Какой добрый! Мое сердце полно".

Мистер Том говорит: "Когда мы были в долине Гарден-Ривер, мы посетили службу в баптистской часовне, расположенной на вершине высокой горы с видом на море. При взгляде из долины внизу кажется, что он рушится на краю ужасающей пропасти. Поднимаясь по крутой и извилистой дороге, мы увидели толпы учеников, стекавшихся со многих миль в округе со всех сторон. Мужчины остановились в густом лесу, чтобы обуться, которые они принесли в руках на гору, а женщины - чтобы натянуть свои белые чулки. Мистер Кингдон, пастор попросил нас обратиться к его народу, и мы не скоро забудем сцену, которая последовала за этим. Едва мы произнесли фразу, выражающую наше сочувствие их положению и нашу заинтересованность в их мирском и духовном благополучии, как вся аудитория разрыдалась. Одни рыдали, другие рыдали вслух; так что какое-то время мы не могли продолжать. Когда мы впоследствии поговорили об этом с их пастором, он сказал: "Мысль о том, что незнакомец и иностранка должна проявлять интерес к их благополучию, всколыхнула глубокие глубины их сердец. Они настолько не привыкли слышать подобный язык от белых людей, что он обрушился на них, как дождь на иссушенную землю".

ЯМАЙКА Между 1837 И 1846 ГОДАМИ.

С течением времени в умах магистратов, миссионеров и тем более среди плантаторов укреплялось убеждение, что рабство по самой своей природе не допускает никаких изменений.

Система ученичества оказалась "ненавистой для раба, несносной для хозяина и ставящей в тупик магистратов". Некоторые из учеников выиграли свое время; и их упорядоченные, трудолюбивые привычки впоследствии подтвердили растущее впечатление, что полная эмансипация была лучшей политикой. Маркиз Слайго, гуманный и справедливый губернатор Ямайки, был крупным собственником, и он проявил свои чувства, освободив всех своих подмастерьев. Его пример оказал большое влияние. Общественное мнение в Англии снова было взбудоражено. В парламент посыпались петиции от всех классов, умоляющие отменить ученичество; на том основании, что плантаторы нарушили контракт; что они использовали систему не как подготовку к свободе, а в целях продолжения угнетения. Результатом этих совместных влияний стало то, что полевые рабочие не проходили ученичество до 1840 года, но были полностью освобождены вместе с домашними рабами в первый день августа 1838 года. Преподобный Джеймс Филиппо, баптистский миссионер на Ямайке, так описывает этот день: "Накануне вечером миссионерские станции по всему острову были переполнены людьми, заполнившими все места поклонения. Они продолжали молиться до тех пор, пока не наступил день свободы, когда они приветствовали его радостными возгласами. Затем они разошлись по городам и весям, распевая "Боже, храни королеву" и оглашая воздух криками: "Свобода пришла!", "Мы свободны! Мы свободны!", "Наши жены и дети свободны!" В течение дня места отправления культа были переполнены до удушья. Представленные сцены превосходили все описания. Радостное возбуждение охватило весь остров. В Спэниш-Тауне губернатор сэр Лайонел Смит обратился к освобожденным людям, которые образовали процессию из 7000 человек и сопровождали учащихся школ, числом около 2000 человек, к Дому правительства. Они несли знамена и флаги с различными надписями, образцами которых являются следующие. "Образование, религия и общественный порядок". "Первое августа 1838 года; День нашей свободы". "Истина и справедливость наконец восторжествовали". Дети спели перед Домом правительства, и Его превосходительство произнес речь, отличающуюся простотой и любовью, которая была встречена восторженными возгласами. Затем процессия сопровождала своего пастора к его дому. Перед баптистской часовней были три триумфальные арки, украшенные листьями и цветами и увенчанные флагами с надписями: "Свобода пришла!", "Рабства больше нет!", "Цепи разбиты, Африка свободна!" Энтузиазм толпы был доведен до предела. Они хотели поприветствовать все флаги, на многих из которых были имена их благодетелей: "Стердж", "Броэм", "Слайго" и т.д. Флаги были развернуты, и почти час воздух звенел от ликующих криков, к которым присоединились пронзительные голоса 2000 детей: "Мы свободны! Мы свободны!", "Наши жены и наши дети свободны!"

Несколько доброжелательно настроенных плантаторов устроили сельские праздники для рабочих. На лужайках были накрыты длинные столы; арки из вечнозеленых растений были украшены цветами; а на деревьях развевались знамена с именами тех, кто наиболее отличился в достижении этого благословенного результата. Были спеты песни, произнесены речи, вознесены молитвы и съедена обильная трапеза. Мистер Филиппо говорит: "Поведение недавно освобожденных крестьян сделало бы честь христианам самой цивилизованной страны в мире. Они были чисты личностями и опрятны в одежде. Их поведение было скромным, непритязательным и в высшей степени благопристойным. Не было никакой давки, никакой вульгарной фамильярности, но все были вежливы и услужливы друг к другу, как члены одной гармоничной семьи. Не было танцев, азартных игр или кутежей. Казалось, у всех было чувство долга перед своими хозяевами, друг перед другом и гражданскими властями. Хозяева, присутствовавшие на этих праздниках, поздравили своих бывших иждивенцев с полученным

ими благом и взаимно выразили надежду на то, что все прошлые разногласия и обиды могут быть прощены. Гармония и жизнерадостность сияли на каждом лице, и демон раздора на какое-то время исчез. В некоторых поместьях, где проводились эти фестивали, рабочие, за редким исключением, на следующий день выходили на работу как обычно. *Многие из них отдали свою первую неделю бесплатного труда в знак доброй воли своим хозяевам.* Таким образом, период, после которого многие плантаторы опасались наихудших последствий, прошел в мире и гармонии. Ни в одной части острова не было зафиксировано ни единого случая насилия или неподчинения, серьезных разногласий или невозддержанности".

После этого безопасного перехода к лучшему положению вещей общественность не была проинформирована ни о каких проблемах на Ямайке в течение нескольких лет, за исключением нехватки рабочей силы и сокращения производства сахара. Выступающие за рабство сми, как в Англии, так и в Америке, охотно объявляли эти недостатки результатом эмансипации. Но уже было сказано достаточно, чтобы доказать любому непредвзятому и размышляющему уму, что эти эффекты были обусловлены другими причинами. *Первый.* Эмансипация привела к тому, что почти все поместья на острове были сильно заложены; большинство из них стоили больше, чем они того стоили. Компенсационные деньги, полученные от британского правительства, вскоре были израсходованы, плантаторы сами не знали, каким образом. Это помогло им погасить часть их давно накопившейся задолженности, но оставило их по-прежнему испытывающими финансовые трудности. У многих из них не было денег, чтобы платить за труд; а некоторые, у кого они были, сохранили слишком много рабовладельческого духа, чтобы скрупулезно подходить к оплате неграм за их работу. Преподобный мистер Блеби говорит: "Я знаю сотни цветных рабочих на Ямайке, которые трудились на сахарных плантациях и были обмануты в получении заработной платы. Я знал человека, получавшего зарплату в тысячу фунтов (4845 долларов) в правительственном учреждении, который нанял двести или триста рабочих на несколько месяцев, а затем воспользовался Законом о несостоятельности и не заплатил им ни цента. Один из этих великих адвокатов по землеустройству, у которого под управлением было пятьдесят или шестьдесят поместий, хвастался моему другу, что он сделал их прибыльными, тем или иным способом выманивая у рабочих половину их заработной платы. Удивительно ли, что цветные предпочитают выращивать продукты на нескольких акрах земли, а не работать на плантациях без оплаты? Я был в Кингстоне, когда строили железную дорогу. Это было сделано исключительно цветными людьми. Менеджер сказал мне, что не может желать, чтобы рабочие работали лучше. И в чем была причина? Каждую субботу вечером он выплачивал им жалованье".

Второе. Условия владения землей были очень ненадежными, как уже объяснял губернатор Хинкс. Плантаторы в таком извращенном состоянии духа, как многие на Ямайке, конечно, не замедлили воспользоваться этим инструментом угнетения. Когда освобожденные рабочие нанимали хижину и клочок земли в поместьях, где они привыкли работать, от них требовалось платить арендную плату в несколько раз больше. Согласно заявлению преподобного мистера Блеби, "Работодатель сказал бы мужу: "Ты должен платить трудом за аренду своего дома". Затем он сказал бы то же самое жене; и, возможно, другим взрослым членам семьи. Таким образом, им удавалось получать арендную плату дважды, а иногда и вчетверо больше". Если арендатор выражал недовольство или каким-либо образом оскорблял его, или если его капризный домовладелец просто хотел дать ему почувствовать, что он все еще в его власти, его немедленно выгоняли и обязывали брать за свой урожай столько, сколько деспотичный работодатель считал нужным оценить. Подобные тиранические действия были обычным

явлением по всему острову. Если бы большинство плантаторов *намеревались* изгнать негров из своих поместий и заставить их "прятаться в лесах и питаться бататом", как они предсказывали, они не смогли бы провести политику, более подходящую для их целей. Негры, несмотря на их сильную привязанность к местным условиям, были изгнаны с сахарных плантаций этими преследованиями; но они добились гораздо большего, чем "прятались в лесах и впадали в варварство", как я сейчас покажу.

Преподобный мистер Филиппо, писавший в 1843 году, говорит: "Плантаторы упорствовали в своих планах, и, в конце концов, множество рабочих были вынуждены пожертвовать своим чувством привязанности к месту жительства и обосноваться в собственных владениях. Отсюда, и ни по какой другой причине, возникли те слухи о наглости и праздности, которые так широко и настойчиво распространялись против крестьянства. Приятно добавить, что несправедливость и невежливость такого поведения теперь стали общеизвестны, так что причины взаимного недовольства в значительной степени исчезли".

Один интеллигентный джентльмен из Сент-Томаса сказал мистеру Тому: "Плантаторы всей душой мечтают о гибели острова, и они будут жестоко разочарованы, если этого не произойдет". Но это разочарование было уготовано им самим, и никакая их изобретательность не могла его предотвратить. Как отдельные личности, они пострадали за свою слепую и узкую политику; но общественное процветание начало неуклонно продвигаться вперед.

Лорд-епископ Ямайки в циркуляре, рекомендуящем создание школ для эмансипированного крестьянства, датированном ноябрем 1838 года, делает следующее заявление: "Мирное поведение объектов нашего обучения и их общепризнанное хорошее поведение являются естественными плодами лучшего ознакомления со спасительными истинами Евангелия; и нельзя привести более веского доказательства их желания получить эти знания, чем тот факт, что на их выбор места жительства часто влияют возможности, предоставляемые для получения морального и религиозного образования для них самих и их детей".

В начале 1839 года сэр Лайонел Смит, губернатор острова, сделал следующее заявление в официальном документе: "Я отправил многочисленные свидетельства в Англию, чтобы показать, что там, где труд поощрялся справедливым вознаграждением и добрым обращением, в нем нигде не было недостатка".

Часть протестов по поводу нехватки рабочей силы и обесценивания собственности исходила от менеджеров и адвокатов, которые вели дела от имени отсутствующих владельцев. Они хотели сами покупать поместья по низкой цене; поэтому они раздражали и обескураживали рабочих, намереваясь выгнать их из поместий; и в некоторых случаях они сжигали сахарный тростник после того, как он был собран; приводя в качестве причины то, что из-за нехватки рабочей силы они не могли перерабатывать его в сахар, кроме как по ценам, которые повлекли бы за собой убытки. Заявления таких заинтересованных и беспринципных людей были охотно перепечатаны выступающими за рабство газетами в Англии и Америке; но в этой стране "друзьям свободы" было невозможно добиться сколько-нибудь обширного переиздания такого свидетельства, как следующее, от преподобного Д. С. Ингрэма, пастора церкви недалеко от Кингстона, Ямайка, который посетил Соединенные Штаты в 1840 году и предоставил для публикации следующее письменное свидетельство: "Эмансипация значительно повысила стоимость всех видов собственности. Земля рядом с моим домом, которая незадолго до эмансипации продавалась по пятнадцати долларов за акр, недавно была продана по шестьдесят долларов за акр; и если бы

на продажу было выставлено в десять раз больше, она была бы легко продана по этой цене. Я знаю много земель, которые сейчас *сдаются* в аренду *за большую сумму за один год, чем они были бы* проданы, когда были в рабстве. Миру и безопасности способствовала эмансипация. Раньше считалось необходимым иметь шесть полков солдат, чтобы держать рабов в повиновении, а также чтобы ополчение собиралось ежемесячно в каждом приходе. С тех пор как была объявлена свобода, половина солдат была уволена; а там, где я живу, ополчение полностью прекратилось. [7] Эмансипация привела к снижению преступности. В тюрьмах, которые раньше были переполнены, теперь мало жильцов. Часть исправительного дома в моем приходе переоборудована в больницу, а старая, окровавленная беговая дорожка покрыта ржавчиной. Эмансипация способствовала развитию промышленности. Один джентльмен, проработавший плантатором на Ямайке двадцать лет, сказал мне, что сейчас на острове, несомненно, выполняется гораздо больше работы, чем когда-либо прежде. Действительно, любой может увидеть, что это так. Куда бы вы ни посмотрели, вы видите леса, сменяющиеся садами и кукурузными полями, а также множество комфортабельных домов, вырастающих под руками трудолюбия и настойчивости. Многие деревни были полностью отстроены после обретения свободы теми, кто раньше был рабами. Был вызван дух совершенствования. Дороги и переулки реконструируются; в разных частях страны появляется много новых рынков. Формируются сельскохозяйственные общества; и плуги входят в обиход. Недавно один надсмотрщик сказал мне, что теперь он распахивает возвышенность под тростник по одному доллару семьдесят пять центов за акр, вместо того чтобы платить пятнадцать долларов за акр за то, чтобы ее вскопали, как раньше. Среди эмансипированных людей существует всеобщее стремление к знаниям. Они часто преодолевают двадцать миль в поисках проповедника или учителя. Они пришли ко мне и умоляли с красноречием, перед которым не мог устоять ни один христианин, говоря: "Служитель, приходите и посмотрите на нас! Мы все невежды; и так много больших придирок, которые ничего не знают. Же попробуй найти нам учителя! Мы позаботимся о нем".

Джозеф Дж. Герни, посетивший Ямайку в 1840 году, говорит: "Импорт на остров быстро увеличивается; торговля налаживается; города процветают; новые деревни возникают во всех направлениях; стоимость собственности значительно возросла; хорошо управляемые поместья стали производительными и прибыльными; затраты на управление уменьшились; приняты короткие методы труда; продукты выращиваются в большем масштабе, чем когда-либо; и люди, где бы с ними ни обращались должным образом, трудолюбивы, довольны и постепенно накапливают богатство. Прежде всего, улучшается мораль общества, и быстро распространяется образование.

"При рабстве в поместье Папин содержалось двести рабов; сейчас на нем работают сорок три чернорабочих. Раньше в поместье Хальберштадт содержалось сто семьдесят рабов; сейчас всю необходимую работу выполняют пятьдесят четыре работника. Содержание рабов в этом поместье обходилось в 850 фунтов стерлингов ежегодно; годовая заработная плата свободных рабочих составляет 607 фунтов стерлингов 10с. Зд.

"Видите эту великолепную новую каменную стену вокруг поля под нами?" - спросил молодой врач. "Необходимая рабочая сила не могла быть нанята при рабстве или ученичестве менее чем по тринадцати долларов за цепь; при свободе это стоило всего четыре доллара за цепь. Еще более примечателен тот факт, что все это было построено под влиянием трудовой деятельности негром-инвалидом, который в рабстве был обречен на полное бездействие." Добрая рука

свободы влила такую свежую кровь в вены этого дряхлого человека, что он выполнил благородную работу, значительно улучшил состояние своего хозяина и заработал для себя кругленькую сумму денег".

Доктор Стюарт сказал мистеру Гурни: "По совести говоря, я верю, что собственность на Ямайке, без рабов, так же ценна, как и раньше, с ними; и я верю, что ее ценность удвоилась бы, если бы мы искренне отказались от всех пережитков рабства ради честного свободного функционирования свободной системы".

В депеше сэра Чарльза Меткалфа, зачитанной в Палате общин в 1842 году, говорится: "Нынешнее положение крестьянства Ямайки очень поразительно. Они значительно улучшили свои привычки и, как правило, хорошо организованы и свободны от преступлений. Они подписываются на свои соответствующие церкви и постоянно посещают богослужения, носят хорошую одежду, и многие из них ездят верхом на лошадях. Они отправляют своих детей в школу и платят за их обучение ". "Кажется удивительным, как много было сделано на острове в строительстве, посадке, копании и изготовлении заборов. Число фригольдеров, которые стали фригольдерами благодаря своей собственной промышленности и накоплению, составило в 1840 году 7340 человек".

В *Jamaica Morning Journal* за февраль 1843 года говорится: "отрадно наблюдать за импульсом, который был дан сельскохозяйственным и литературным обществам. Мы не припоминаем, чтобы когда-либо предпринимались такие энергичные усилия для улучшения положения людей и сельского хозяйства, как в течение последних нескольких месяцев".

Преподобный мистер Филиппо, писавший в том же году, говорит: "Термин "ленивый" может быть применен к чернокожему населению только в отсутствие оплачиваемой работы; и даже тогда они работают на своих собственных условиях. Ямайских крестьян редко можно увидеть бездельничающими, слоняющимися без дела по дорогам или тратящими свои деньги в тавернах и других подобных курортных местах. Что касается основной массы населения, то, принимая во внимание климат, ни одно крестьянство в мире не может продемонстрировать более жизнерадостного и настойчивого трудолюбия. Во времена рабства безудержная распущенность была в порядке вещей. Каждое поместье и каждая негритянская хижина были публичным домом. Итак, брак - это правило, а наложничество - исключение. Хотя каждое незначительное нарушение законов (вопреки прежнему обычаю) теперь общеизвестно и карается мировыми судьями, пустые тюрьмы и отсутствие серьезных правонарушений в судебном расписании являются достаточным доказательством общего снижения преступности".

В *Jamaica Morning Journal* за март 1843 года говорится: "Наши читатели будут удивлены и рады узнать, что за последние пять дней в этом городе [Кингстоне] ни один заключенный не был заключен в клетку. Мы фиксируем этот факт с большим удовольствием, поскольку считаем, что подобного обстоятельства никогда ранее не возникало с момента основания города".

Преподобный мистер Блеби говорит: "До того, как я покинул Ямайку (это было до 1848 года), не менее 50 000 цветных людей стали свободными землевладельцами в результате своего собственного труда. Нам сказали, что эти люди не будут работать. Как же тогда они получили эти права собственности? У некоторых из них в домах стоят кровати и буфеты из красного дерева. Откуда у них такая мебель, если не в результате их собственного труда?"

ЯМАЙКА ПОСЛЕ 1846 ГОДА.

Сейчас мы переживаем печальные времена. Было заявлено, что Вест-Индия обладала монополией на производство сахара на британском рынке, что обходилось потребителям очень дорого. Это часто вызывало протесты со стороны британского народа; и в 1846 году правительство отменило тариф, который исключал другие страны из конкуренции. Результатом стало внезапное и значительное падение цен на сахар. "В 1840 году сахар продавался в залог по 49 фунтов стерлингов. за центнер (11,86 долл.) В 1848 году он снизился до 23 с. ш. 5д. (5,65 долл.)". В результате поступления за их урожай сократились на много миллионов долларов; и это было далеко не худшей чертой в деле. Бизнес в Вест-Индии на протяжении многих поколений велся в кредит, а теперь кредита больше не было. Автор в "Эдинбурге" так излагает дело: "Огромный капитал, необходимый для производства сахара, ежегодно авансировался лондонскими купцами под залог урожая. Но, конечно, когда стало известно, что сахар так сильно подешевел, торговцы испугались, и кредит плантатора пропал. Он был вовлечен в сделки, на которые был вложен огромный капитал и которые требовали огромного капитала для их осуществления; а капитала он получить не мог". Страдания были ужасными. Тысячи семей, привыкших к роскоши богатства, были доведены до нищеты без каких-либо привычек, которые позволили бы им мужественно переносить это. Их крик отчаяния разнесся по всему миру. Выступающие за рабство СМИ в Англии и Америке ликующе провозглашали: "Видите последствия эмансипации?" - и люди, не вдаваясь в подробности, вторили этому резкому обвинению. Но было упущено из виду одно очень важное обстоятельство, а именно то, что, когда раздался этот крик бедствия, *рабство было отменено четырнадцать лет назад, а ученичество - десять лет назад*. Проведя небольшое расследование, они могли бы установить, что до отмены тарифа дела в Вест-Индии шли благополучно; на это достаточно указывает тот факт, что как раз перед тем, как обрушился удар, они делали расходы на получение более крупных урожаев; обстоятельство, которое сделало удар еще более тяжелым. Даже Ямайка, при всей ее вопиющей бесхозяйственности и финансовых неурядицах, *начинала процветать, как мы показали, в результате эмансипации*.

Имущественного спада после отмены тарифа некоторая оценка может быть составлена на основе следующего пункта. В 1838 году поместье Ла Гранж было продано за 25 000 фунтов стерлингов (121 125 долларов); а в 1840 году поместье Виндзор Форест было продано за 40 000 фунтов стерлингов (193 800 долларов). В 1850 году оба этих поместья были проданы вместе за 11 000 фунтов стерлингов (53 295 долларов).

Мистер Бигелоу из *New York Evening Post*, посетивший Ямайку в 1850 году, говорит: "Трудно преувеличить, и еще труднее определить бедность и промышленный упадок Ямайки. Природное богатство и спонтанная продуктивность острова настолько велики, что никто не может умереть с голоду, и все же кажется, что способность к накоплению приостановлена. Производительная сила почвы расходуется впустую; лучшая земля в мире может быть получена практически по первому требованию; труд не получает никакой компенсации; и продукт труда, похоже, не знает пути на рынок".

Землей по-прежнему владели в основном отсутствующие; необремененное поместье любого размера или ценности было едва ли возможно найти; а из-за обесценивания собственности было невозможно занять деньги в сколь-нибудь значительном объеме в поместьях Ямайки.

Мистер Бигелоу сообщает нам, что "Ямайка ежегодно импортирует 70 000 баррелей муки; 90 000 бушелей кукурузы; 300 000 фунтов табака; и 10 или 12 000 000 футов пиломатериалов. У них великолепные леса, но на острове нет ни одной лесопилки. Они импортируют даже свои кирпичи. Они платят непомерные цены за изделия, которые можно было бы выращивать на Ямайке с предельной легкостью и изобилием. Масло - 37½ ст. л. фунт; молоко - 18½ ст. л. кварта; мука - от шестнадцати до восемнадцати долларов за баррель; и т.д. По-видимому, ничего не может быть более противоестественного, чем для жителей этого острова, в их нынешнем нищенском положении, платить такие цены за повседневную пищу; и все же нет ничего более неизбежного, пока земля находится в таком большом владении у отсутствующих землевладельцев. До недавнего времени никогда не было известно о такой вещи, как небольшая ферма в пятьдесят или сто акров, которую можно было бы использовать для получения прибыли".

Поскольку плантаторы и их адвокаты постоянно жаловались на разорительно высокую заработную плату, мистер Бигелоу сделал это предметом специального расследования. Он говорит: "К моему крайнему удивлению, я узнал, что заработная плата мужчин на сахарных и кофейных плантациях колебалась от восемнадцати до двадцати четырех центов в день; и пропорционально меньше у женщин и детей. Из этой заработной платы рабочие должны *обеспечивать* себя. Теперь, когда считается, что мука стоит восемнадцать долларов за баррель, яйца - от трех до пяти центов за штуку, а ветчина - двадцать пять центов за фунт, разве этот призыв к высокой заработной плате не кажется абсурдным? Была ли жалоба волка на ягненка за то, что он замутил ручей под ним, более необоснованной? Ниже ли заработная плата в какой-либо части цивилизованного мира? Четыре пятых всего зерна, потребляемого на Ямайке, выращивается в Соединенных Штатах, на полях, где рабочая сила стоит более чем в четыре раза дороже и где все продукты питания, за исключением фруктов, дешевле. Дело в том, что негр не может жить на такую зарплату, если только он не добывает ее воровством или не владеет участком в три-пять акров. Им движет необходимость купить землю и возделывать ее для себя. Он находит такого труда гораздо лучше, чем наградил, что он возлагает на чужие земли, то он, естественно, заботится о своей первой, и дает свой досуг на свойства других.

"Конечно, негру при такой зарплате требуется немало энергии и самоотречения, чтобы накопить достаточно денег на покупку небольшого поместья; но если он его все-таки приобретет, он никогда с ним не расстанется, разве что ради большего или лучшего поместья. Я был очень удивлен, обнаружив, что число этих цветных собственников уже значительно перевалило за 100 000 и постоянно увеличивается. Если вспомнить, что всего шестнадцать лет назад на острове едва ли был цветной землевладелец, то нет необходимости говорить, что этот класс населения оценивает привилегии свободного труда и усадьбы гораздо правильнее, чем можно было ожидать; особенно если принять во внимание, что семь десятых из них родились в рабстве и провели много лет в рабстве. Их владения в среднем, я думаю, составляют около трех акров. Они напрямую заинтересованы в том, чтобы возделывать их экономно и разумно. Практика планирования собственного труда, поощряемая привилегией пожинать плоды, оказывает на них важнейшее воспитательное влияние; результаты которого вскоре будут гораздо более очевидны, чем сейчас".

Авторы, выступающие за рабство, заявляют, что эти негритянские фермеры не собирали и пяти фунтов сахара в год для экспорта. Но доказывает ли это, что они ленивы? Там, где сливочное масло стоит 37½ ст. л. фунт, яйца от трех до пяти центов за штуку, лук 12½ ст. л. за фунт и другие

продукты по той же цене они могут использовать свою землю с большей пользой, чем вступать в конкуренцию с производителями сахара. Когда на Барбадосе будет введена та же система, о которой упоминает правительство. Хинкс, они, несомненно, обратят свое внимание на выращивание сахарного тростника.

Есть много свидетельств того, что на Ямайке нет реальной нехватки рабочей силы, хотя она, несомненно, была отчуждена от крупных сахарных плантаций. Во-первых, из-за жестокого и несправедливого обращения со многими плантаторами. Во-вторых, из-за состояния банкротства, в котором застала их эмансипация и которое лишило их возможности платить за работу. В-третьих, и, вероятно, самой сильной причиной для всех, была неспособность рабочих арендовать землю в своих поместьях с какой-либо степенью безопасности. Мистер Чарльз Таппан из Бостона, посетивший Ямайку в 1858 году, говорит: "Предполагаемая нехватка рабочей силы - это ложный призыв. Там, где говорят, что рабочей силы недостаточно, это можно объяснить причинами, которые необходимо устранить, находящимися под контролем плантаторов. Главными из них считаются недостаточная заработная плата, ее непунктуальная выплата или отсутствие выплаты вообще". "Общаясь с плантаторами, я узнал, что рабочих можно легко заполучить за справедливую компенсацию и доброе отношение. Но факт остается фактом: эмансипированные предпочитают работать на своих собственных нескольких акрах земли". Мистер С. Б. Слэк, старый коренной житель Ямайки, так пишет мистеру Таппану в 1858 году: "За немногими исключениями, плантаторы теперь признают, что эмансипация была благословением. Вначале ощущалась некоторая болезненность; и это проявилось в неблагоприятных действиях по изгнанию работников из коттеджей, которые они занимали с младенчества, и уничтожению их запасов продовольствия, что побудило их приобрести собственные земли и, таким образом, стать независимыми от своего труда в поместьях. Но если негры так ленивы, как их изображают, то как получается, что при строительстве новой дороги через остров можно нанять больше рабочих рук, чем требуется? Как получилось, что у компании по водоснабжению наверняка есть конкуренты на трудоустройство? Как получилось, что Железнодорожная компания одинаково обеспечена рабочей силой? Ответ таков: потому что рабочим щедро и своевременно платят; и они готовы работать, когда уверены в получении вознаграждения".

Сэр Чарльз Грей, который был губернатором Ямайки в 1850 году, говорит: "Немногие расы людей будут работать усерднее или упорнее, чем негры, когда они уверены в получении продукта своего труда".

Свободные деревни, возникшие после эмансипации, описываются всеми путешественниками как новая и наиболее приятная черта пейзажа Вест-Индии. Во времена рабства рабочие обычно жили в крытых соломой лачугах с глинобитными стенами, сколоченных без какого-либо порядка. Несколько тыквенных тыкв, кувшин для воды и ступка для толчения кукурузы составляли в основном их убранство. Поскольку женщин рано или поздно выгоняли на работу в поле, у них не оставалось времени на чистоту в доме. Издали эти негритянские жилища, приютившиеся среди пальм и тамариндовых рощ, выглядели живописно; но, как и само рабство, они не выдерживали пристального осмотра. Когда вы приближались к ним, ваши чувства были оскорблены гниющими овощами и тошнотворными выделениями. Теперь рабочие живут в бесплатных деревнях, регулярно благоустроенных. Дома здесь небольшие, многие из них построены из камня или дерева, с черепичными крышами, зелеными жалюзи и верандами, защищающими их от солнца. Большинство из них аккуратно покрыты соломой и, как правило,

оштукатурены и побелены снаружи и внутри. Теперь в них есть зеркала, стулья и буфеты, украшенные красивыми изделиями из стекла и посуды. У каждого дома есть свой небольшой огородный участок, за которым, как правило, аккуратно ухаживают, и перед многими из них разбиты цветники, переливающиеся всеми яркими оттенками тропиков. В 1843 году мистер Филиппо сказал, что, по приблизительной оценке, количество таких деревень на Ямайке составляло около двухсот, а количество купленных акров земли составляло не менее 100 000. Было подсчитано, что в течение четырех лет освобожденные подмастерья заплатили 170 000 фунтов стерлингов (823 650 долларов) за землю и здания. И это делалось, когда зарплата составляла от восемнадцати до двадцати четырех центов в день, на которые они кормились сами! И это были те люди, которые, как были уверены рабовладельцы, будут "прятаться в лесах и питаться бататом", вместо того чтобы работать, после того, как их перестанут пороть!

Названия этих деревень приятно свидетельствуют о благодарности цветного населения своим благодетелям. Их зовут Кларксон, Уилберфорс, Бакстон, Броэм, Маколей, Томпсон, Гурни, Слайго и др. Названия, данные их собственным маленьким домикам, имеют почти поэтический смысл, настолько трогательна и выразительна их простота. Ниже приведены примеры: "Счастливого уединения"; "Благодарю Бога за это"; "Немного своего"; "Свобода и довольство"; "Благодарный холм"; "Приходите и посмотрите".

Джозеф Дж. Герни посетил Кларксон-Таун зимой 1839 года и записал, что был "в восторге от его внешнего вида, а также от манер, интеллекта и гостеприимства людей". Мистер Филиппо, который был знаком с этими деревнями, говорит: "Часто представленные группы достойны карандаша художника или песни поэта. В тишине субботнего вечера можно увидеть, как многие семьи, вернувшись из дома Божьего, собираются вместе в тени деревьев, которые нависают над их домами, поют гимны или слушают чтение Священных Писаний, и никто их не беспокоит и не пугает".

Мистер Чарльз Таппан говорит: "Сойдя на берег в Кингстоне, я должен признаться, что был наполовину склонен поверить в столь усердно распространяемую историю о том, что освобожденный раб более ленив и порочен, чем любое другое разумное Божье создание; но когда я проехал по долинам и горам и повсюду встречал трудолюбивых, трезвомыслящих людей, я пришел к выводу, что все бродяги острова перебрались на морской берег, чтобы зарабатывать на небогатое существование, таская багаж, попрошайничая и т.д.; и это, после расследования, оказалось правдой. Куда бы я ни пошел в сельской местности, я находил довольных мужчин и женщин, которые выращивали сахарный тростник и множество овощей и фруктов за свой счет. Их аккуратные, хорошо обставленные коттеджи хорошо сочетались с жилищами первопроходцев в нашей собственной стране. Я нашел в них мебель из красного дерева, посуду и стекло, а также полки с полезными книгами. Я видел африканцев несмешанной крови, перемалывающих сахарный тростник на своих собственных мельницах и производящих свой собственный сахар. Я присутствовал на большом собрании, созванном для решения вопроса о приглашении школьного учителя поселиться среди них. Был только один человек, который сомневался в целесообразности забирать детей с работы и отправлять их в школу. Один сказал: "Моя небольшая образованность позволила мне увидеть, что записка, данная мне в уплату за лошадь, была написана не в соответствии с контрактом". Другой сказал: "Я был бы обижен из-за сорока фунтов кофе, которые я продал на днях в Кингстоне, если бы я не

умел шифровать". Другой сказал: "У меня не будет большого имущества, которое я оставлю своим детям, но если у них будут знания, они смогут получить собственность". Другой сказал: "Те, кто умеет читать, с большей вероятностью обретут религию". Все эти люди были рабами или детьми рабов. Я не видел ни одного пьяного человека на Ямайке, а если учесть, что там каждый мужчина умеет варить ром, это кажется мне весьма примечательным".

Здесь мы имеем зародыш того среднего класса, который является лучшей опорой в любом обществе и который никогда не сможет сосуществовать с рабством.

Падение цен на сахар, как мы уже говорили, на какое-то время повергло Вест-Индию в прострацию; и ни одна колония не была в таком плохом положении, чтобы поддерживать его, как Ямайка, с ее огромными долгами, плохим управлением, финансовыми расстройством и ее рабочими, отчужденными от сахарных плантаций из-за упорства в обращении со свободными людьми, как если бы они были рабами. Лорд Слайго заявил в официальном отчете, что многие плантаторы прекратили возделывать земли в 1832 году, потому что были так уверены, что негры не будут работать после принятия Акта об освобождении. Затем, когда в 1847 году цены на сахар упали, очень многие плантаторы были вынуждены покинуть свои поместья из-за невозможности занять денег на их содержание. Мистер Бигеллоу утверждает, что в 1850 году 400 000 акров сахарных и кофейных плантаций были заброшены из-за сорняков и подлеска.

Но в Свободной торговле, как и в Свободном Труде, есть восстанавливающая сила. Вест-Индия вскоре начала подниматься из-за серьезного, но временного давления, вызванного отменой Тарифа. В некоторых случаях собственность переходила из скованных рук банкротов к тем, кто, будучи необремененным, мог начать с чистого листа; в то время как некоторые из старых собственников черпали мудрость из опыта и управляли более разумно. Даже Ямайка вносит свой вклад в эти благотворные изменения. О том, что ее пустыри начинают восстанавливаться, свидетельствует следующая статья из *Kingston Morning Journal* за 1857 год: "В прошлый понедельник дороги, ведущие к поместью Грейт-Вэлли, имели оживленный вид. Мужчины и женщины, старые и молодые, сильные и слабые, все спешили к общей точке притяжения. С флаштовков развевались яркие носовые платки, люди пели и танцевали, и все напоминало о дне, который крестьяне очень чтили. Это была не свадьба и не веселье. Они были в рабочей одежде, с мотыгами и кирками за плечами. Со всех путей и закоулков приходили люди, чтобы увеличить толпу. Все казались счастливыми и спешили. Все устремились к воротам завода "Грейт Вэлли Уоркс". Мы сказали старику, голова которого побелела от восьмидесятилетнего мороза: "Привет! куда идут все эти люди?" Сняв кепку, он ответил: "Мой добрый бакра, я никогда не ожидал увидеть, как вырастет Великая долина. Он идет за таблийским тростником; снова сделает сахар. Хорошо для всех нас. Всех прошу о помощи". "Но вы слишком стары, чтобы что-либо делать". "Да, верно, масса. Я не живу долго. Но я должен кое-что сделать. Я принесу воды. У меня болит сердце, сделай меня хань"слабым". Другому мы сказали: "Куда ты везешь эту телегу с ботвой тростника, дружище?" "В Большую долину, сэр. Они собираются снова основать сахарное хозяйство, и я несу им всю ботву тростника, которая у меня есть, для посадки". Мы спросили женщину с большим пучком ботвы тростника на голове: "Вы тоже едете в Большую долину?" "Да, сэр. Это великий день для всех нас. Каждый должен помогать". Другому, который возглавлял группу из семидесяти или восьмидесяти детей, мы сказали: "Куда ты идешь, мой друг?" - "Я директор Пондсайд скул, сэр. Все девочки и мальчики просили отпуск, чтобы отнести верхушки тростника в Великую Долину и помочь им выкопать ямы для тростника. Поместье купил новый владелец, и все хотят ему помочь." "Но вам не кажется, что будут трудности с

наймом рабочей силы?" "Нет, сэр, ни капельки; если с людьми обращаться честно и по-доброму. Новый владелец любезен с ним и ободряюще обращается с людьми; а доброе слово очень помогает нашим людям. Но я должен следовать за своими учениками. По их шуму вы можете услышать, что они уже присоединились к отряду копателей, там, где развеваются флаги". И действительно, звенящий звук детских криков и смеха радостно разносился по ветру.

"Грейт-Вэлли - это благородное поместье площадью 4000 акров, уютно расположенное между холмами. Раньше оно считалось вторым поместьем в приходе Ганновер. Теперь это сооружение выглядело как какие-то почтенные развалины. Окна выбиты, дымоходы повалены, крыши проваливаются, громоотвод раскачивается взад-вперед, телеги и грузовики гниют посреди двора, благородный резервуар зарос сорняками, среди которых плавали дикие утки. Но эти разрушенные стены должны быть восстановлены. Уединенные места, сейчас пропитанные плесенью и разложением, скоро наполнятся оживленной толпой, и приятный аромат варки сахара заменит нездоровые испарения. Это приятная перспектива, и она кажется предзнаменованием более благополучных дней для нашего острова Ямайка".

В период с 1853 по 1855 год экспорт увеличился на сумму 166 049 фунтов стерлингов (804 507,40 долларов).

Губернатор в своем отчете за 1855 год говорит: "Я чувствую себя более уверенным в окончательном восстановлении процветания, чем когда-либо прежде".

Губернатор в своей речи на открытии Законодательного собрания в 1858 году говорит: "Все еще прогрессивный рост, как в количестве основных экспортных товаров, так и в размере доходов, получаемых от пошлин на предметы потребления, указывает на постепенное улучшение производственной отрасли Колонии". Он ссылается на череду засушливых сезонов, которые привели к сокращению урожая; и все же, несмотря на этот очень серьезный недостаток, экспорт увеличивался. Он признает, что со старых плантаций все еще поступали жалобы на нехватку постоянной рабочей силы; в это, по его словам, он может легко поверить, исходя из "общепризнанного факта, что доля сельскохозяйственных крестьян, которые вместе со своими семьями трудолюбиво и систематически занимаются независимым производством сахара и других основных продуктов питания, день ото дня увеличивается".

Когда лорд Белмор, губернатор в 1832 году, сказал Ассамблее Ямайки: "Будьте уверены, джентльмены, ресурсы этого прекрасного острова никогда не будут полностью освоены, пока не будет отменено рабство", - он нанес им очень сильное оскорбление. Внуки людей, которых он оскорбил, увидят, что его предсказание подтвердилось. Даже среди всего опустошения и уныния 1850 года м-р Бигелоу говорит: "Я провел тщательное расследование, но я не нашел на острове человека, который сожалел бы об Акте об освобождении или который, если я могу судить по их собственным профессиям, восстановил бы рабство, если бы это было в их силах".

Эрнст Ноэль, который зимой 1860 года писал с Ямайки в "*Нью-Йорк Таймс*": "Неоспоримым фактом является то, что экспорт кофе с Ямайки сократился с двадцати пяти-тридцати миллионов до пяти-шести миллионов; но также неоспоримым фактом является то, что там, где до эмансипации на острове использовался один фунт, сейчас используется десять. (Теперь у каждого рабочего есть своя чашка кофе.) Я твердо убежден, что нет такого большого расхождения между количеством *выращиваемого* кофе во времена эмансипации и тем, что выращивается сейчас; особенно если принять во внимание масштабы *истощенных* кофейных

угодий. То же самое утверждение с гораздо большей силой применимо к любому описанию. Несомненно, верно, что большинство крупных сортов кофе, ранее выращивавшихся, были заброшены или использованы для других целей. Кофе требует новых земель; а вырубка пятидесяти акров леса - это титаническое предприятие для кофейных плантаторов, среди которых нехватка *капитала* преобладает в той же степени, что и среди сахарных плантаторов. Но что бы ни говорили *крупные* кофейные плантации о своих прибылях и убытках, общеизвестным фактом является то, что тысячи и тысячи поселенцев выращивают эту вкусную ягоду с пользой для себя; это может подтвердить любой торговец, занимающийся этой торговлей. Они прибывают в города и деревни с одним, двумя, шестью или дюжиной мешков, и таким образом многие грузы отправляются в иностранные порты".

Тот же автор сообщает, что несколько опытных плантаторов, которым он предложил вопросы, касающиеся вложения капитала на этом острове, заверили его, что можно с уверенностью рассчитывать на прибыль от десяти до двадцати процентов.

Примечание.—На Маврикии, плодородном острове в Индийском океане, принадлежащем Великобритании, урожай сахара за последние десять лет рабства составлял в среднем 68 741 120 фунтов. ежегодно. В течение четырех лет после эмансипации, начиная с 1845 года, средний урожай составлял 171 122 500 фунтов; ежегодный прирост составлял 102 миллиона фунтов; почти 150 процентов в пользу свободного труда.

СНОСКИ:

[6] Население Ямайки на момент эмансипации составляло 87 000 белых; 311 692 раба; 55 000 свободных цветных людей.

[7] Во времена рабства военная защита Вест-Индии ежегодно обходилась Англии в 2 000 000 фунтов стерлингов (9 960 000 долларов). Единственное восстание 1832 года на Ямайке обошлось правительству в 800 000 долларов, а частная собственность была уничтожена на сумму 6 000 000 долларов.

ГЛАВА VI. ЭМАНСИПАЦИЯ БЕЗОПАСНА ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ.

"Право *никогда* не поступает неправильно."

—*Старая сентенция.*

Всякий раз, когда призывают к немедленной эмансипации, всегда выдвигаются на первый план "ужасы Сан-Доминго", чтобы доказать, что это опасно. Это одно из многочисленных искажений, порожденных предубеждением, которое впоследствии воспринимается как должное теми, кто не изучал этот предмет. Первые проблемы между белой и черной расами в Сан-Доминго были результатом репрессивного и незаконного обращения со свободным цветным населением, которое было многочисленным, и многие из них были богатыми собственниками. Белые были полны решимости вырвать у них определенные права, которые им обеспечило французское

правительство. Следующие неприятности были вызваны попыткой *восстановить рабство* после того, как оно было отменено на несколько лет. Это никогда не было *предоставлением* прав цветному населению, которое привело к кровопролитию или беспорядкам. Все бедствия, постигшие белых, произошли в результате *отказа* от этих прав, в первую очередь, а затем из-за попытки силой *отобрать их* после того, как они долгое время мирно и процветающе осуществлялись под защитой французских законов.

В 1793 году Национальное собрание провозгласило свободу всем рабам, находящимся под властью Франции; их насчитывалось более 600 000; и история показывает, что эта мера оказалась безопасной. *В Сан-Доминго эмансипация была мирной и принесла процветание по своим результатам.* Кол. Мейленфант, рабовладелец, проживавший в то время на острове, опубликовал "Исторические и политические мемуары о колониях", в которых он говорит: "После этого публичного акта эмансипации негры вели себя тихо, как на юге, так и на западе. Были поместья, в которых не было ни владельцев, ни управляющих; и все же в этих поместьях, хотя и заброшенных, негры продолжали свой труд там, где оставался кто-либо из низших агентов, чтобы направлять их; и там, где не было белого человека, способного хоть как-то руководить делами, они занимались заготовкой провизии. Несколько моих соседей, владельцев или управляющих, сидели в тюрьме, и негры на их плантациях имели обыкновение приходить ко мне, чтобы я руководил ими в их работе. Если вы позаботитесь о том, чтобы говорить с ними не о восстановлении рабства, а о свободе, вы можете этим словом приковать их к труду. На равнине Тупик, на плантации Гуро, я руководил четырьмя с половиной сотнями рабочих более восьми месяцев после того, как им была предоставлена свобода. Ни один из них не отказался работать. И все же считалось, что на этой плантации соблюдалась наихудшая дисциплина, а рабы были самыми ленивыми на равнине. Я вдохновил ту же деятельность на трех других плантациях, которыми я управлял. Девяносто девять из ста чернокожих прекрасно осознают, что труд - это процесс, посредством которого они могут получить средства для удовлетворения своих потребностей и вкусов; и поэтому они стремятся работать". Описывая последнюю часть 1796 года, полковник Мейленфант говорит: "Колония процветает. Белые живут мирно и счастливо в своих поместьях, а негры продолжают на них работать". Лекруа, опубликовавший "Воспоминания для истории Сан-Доминго", говорит о замечательном прогрессе в сельском хозяйстве в 1797 году. Он говорит: "Колония, как по волшебству, приближалась к своему древнему великолепию; земледелие процветало, и каждый день давал ощутимые доказательства прогресса".

Таково было влияние Эмансипации на Сан-Доминго!

In 1801, Gen. Винсент, владелец поместий в Сан-Доминго, отправился во Францию, чтобы представить правительству план новой Конституции острова. Он застал Наполеона Бонапарта, в то время первого консула, готовящимся отправить вооружение для восстановления рабства в Сан-Доминго. Генерал Винсент горячо протестовал против экспедиции. Он заверил консула, что негры ведут себя организованно и трудолюбиво и что все идет мирно и благополучно для всех сторон; что нет необходимости и, следовательно, жестоко пытаться изменить это счастливое положение вещей. Но существовал класс старых деспотичных плантаторов, которые требовали восстановления произвола, которым они самым жестоким образом злоупотребляли. К несчастью, Бонапарт считал хорошей политикой примирение с этим классом и настаивал на своей цели. Он пытался *восстановить рабство* с помощью военной силы, и следствием этого стало то, что французы были изгнаны с острова с большим кровопролитием.

В Гваделупе, где свобода была провозглашена одновременно с Сан-Доминго, внезапный переход произошел совершенно безопасно. Отчеты губернаторов за последующие годы свидетельствуют о том, что освобожденные рабочие были повсеместно трудолюбивы и подчинялись законам.

Генерал Лафайет, последовательный сторонник свободы человека, провел практический эксперимент по эмансипации еще в 1785 году. Во французской колонии Кайенна большая часть земель принадлежала короне, и он смог получить ее на легких условиях. Он потратил 30 000 долларов на покупку земли и рабов. Он нанял дружелюбного и рассудительного джентльмена, чтобы тот взял на себя управление компанией. Первое, что сделал агент, когда прибыл в Кайенну, это созвал рабов и в их присутствии сжег все плети и другие орудия наказания. Он сообщил им, что их владелец, генерал. Лафайет купил их с целью дать им возможность обрести свободу. Затем он изложил им законы и постановления, по которым будет управляться поместье, и денежные преимущества, которые будут предоставлены в зависимости от степени трудолюбия. Этот стимул действовал как заклинание. Энергия рабочих удвоилась, и они были послушны пожеланиям своего руководителя. Он умер от воздействия климата. Но когда в 1793 году рабы во всех французских колониях были освобождены, работники этого поместья в Кайенне обратились к новому агенту и спросили, по-прежнему ли земля принадлежит генералу. Лафайет, они хотели возобновить свою работу на него на старых условиях, мотивируя это тем, что они "желают продвигать интересы того, кто относился к ним как к мужчинам и поощрял их труд, превращая его в определенное средство свободы".

В 1811 году британские власти освободили всех рабов на Яве. Это также увенчалось полным успехом, в чем каждый может убедиться, изучив отчет сэра Стэмфорда Раффлса, который был губернатором острова.

В последующие периоды, между 1816 и 1828 годами, Южноамериканские республики Буэнос-Айрес, Чили, Боливия, Перу, Колумбия и Гватемала освободили всех своих рабов. В некоторых из этих государств выделялись средства на обучение молодых рабов, которые получали избирательные права по достижении определенного возраста. В других штатах рабы всех возрастов освобождались после определенной даты, установленной законом. Ни в одном случае эти изменения не привели к какому-либо ущербу для жизни или имущества.

В 1828 году британское правительство освободило всех рабов в Капской колонии. 30 000 илотов-готтентотов были по закону допущены ко всем правам и привилегиям белых жителей. Рабовладельцы в Колонии яростно протестовали против этой меры. Они заявили, что готтентоты глупы, чувственны, жестоки, порочны и совершенно неспособны позаботиться о себе. Они предсказывали ужасные безобразия, как следствие освобождения орды таких деградировавших негодяев. Но события доказали совершенно иное. Бедняги были благодарны за свою свободу и старались вести себя так хорошо, как только умели. Все шло так же мирно, как и раньше, что касалось белых жителей и гораздо более мирно, что касалось чернокожих, которые ранее страдали от ужасающего варварства со стороны своих хозяев. В лучах свободы даже готтентоты постепенно выходили из состояния варварства. С каждым годом они платят все больше за британские мануфактуры, потому что носят ситцевые и шерстяные ткани, а не накидки из овчины. У них есть лошади, повозки и собственные стада, а их небольшие еженедельные взносы в Миссионерские общества Кейпа составляют многие сотни долларов.

С того времени, как Мексика стала независимой от Испании в 1821 году, в общественном сознании росло убеждение, что существование рабства несовместимо с провозглашаемыми принципами Республики. Это чувство вскоре проявилось в законах. Цены на рабов устанавливались магистратами, и они были обязаны работать за установленную плату, пока не окупят себя. Были приняты защитные законы, позволяющие слугам работать на других, если хозяева не обращались с ними справедливо и гуманно. Передача служебных обязанностей также может иметь место для удобства хозяев, но никогда без согласия слуг. мистер Уорд, британский посланник в Мексике, в своей работе об этой стране очень высоко отзывается о благотворном воздействии, оказываемом этими правилами. Он говорит, что они дали мощный стимул промышленности и быстро повысили благосостояние сельского хозяйства. Рабовладелец из Миссисипи, переехавший на жительство в Матаморас, также был настолько доволен результатами этого эксперимента, что написал о нем с энтузиазмом, как о примере, чрезвычайно важном для Соединенных Штатов. Он заявил, что ценность плантаций вскоре возросла благодаря введению бесплатной рабочей силы. Он говорит: "Это никого не сделало бедным. Это дало собственность слуге и увеличило богатство хозяина". Свободный труд настолько высоко оценил себя в этом процессе, что 15 сентября 1829 года президент Герреро опубликовал следующий указ: "Желая ознаменовать годовщину независимости Мексики актом национальной справедливости и милосердия, мы настоящим объявляем, что рабство в этой Республике навсегда отменено. Следовательно, все те люди, которые до сего дня считались рабами, свободны!" Этот справедливый указ не нарушил общественного спокойствия или процветания.

В 1831 году 3000 призовых негров получили свободу в Южной Африке; 400 за один день. Никаких трудностей или беспорядков не возникло. Все разбрелись по домам, и по ночам почти не было видно ни одного зеваки.

В 1848 году французское правительство, после тщательного изучения положения вещей в Британской Вест-Индии, издало декрет о немедленной эмансипации для всех рабов в их Колониях. М. Араго, бывший член Временного правительства, писал так в 1851 году: "Много говорилось о разорении, которое Акт Эмансипации навлек на наши Колонии. Но следует помнить, что они долгое время находились в плачевном состоянии. Палата депутатов ежедневно оглашалась их стенаниями. Постоянно предлагались крайние и совершенно неприемлемые меры для их облегчения положения. Акт об освобождении мирным путем разрешил один из самых сложных вопросов, которые ставило перед собой наше социальное государство. Свободный труд занял место рабского без особого сопротивления. До сих пор это сопровождалось достаточно благоприятными результатами, и они не могут не улучшаться". О. Лафайет, внук генерала Лафайета, член Палаты депутатов, писал так в 1851 году: "В один день, как по мановению волшебной палочки, 150 000 человеческих существ были вырваны из состояния деградации, в котором они находились по прежнему законодательству, и восстановили свое положение в великой человеческой семье. И это великое событие произошло без каких-либо беспорядков и борьбы, которыми угрожали, чтобы смутить совесть сторонников отмены смертной казни".

В 1841 году бей Туниса запретил вывоз или импорт рабов и объявил свободными всех детей, которые должны родиться в его владениях после 8 декабря 1842 года. В 1846 году он провозгласил, что рабство полностью отменено, "во имя чести Бога и для того, чтобы отличать

человека от грубого создания". На эти меры большое влияние оказал британский министр сэр Томас Рид.

Недалеко от той же даты Швеция провозгласила эмансипацию на острове Святого Варфоломея, единственном месте под ее властью, где существовало рабство.

Кристиан VIII, король Дании и его королева Каролина настолько открыто выступали за эмансипацию, что цена на рабов в их владениях значительно снизилась. Добросердечная королева добилась от короля обещания, что он отпразднует годовщину их Серебряной свадьбы указом о всеобщей эмансипации. Соответственно, 28 июля 1847 года было провозглашено, что все дети, родившиеся в этот день или позже, должны быть свободны; и что все рабы в датских владениях, числом около 30 000 человек, должны получить свободу в 1859 году. Это было сделано для того, чтобы дать время подготовиться к изменениям, но сработало плохо. Негры испытывали беспокойство, когда слышали о свободе, не получив ее; и это чувство усиливалось благодаря общению с соседними французскими островами, где все были провозглашены безоговорочно свободными. Хозяева были против эмансипации и вовсе не были расположены примирять своих работников. В июле 1848 года вспыхнули местные восстания. Было уничтожено много имущества, но погибло мало людей, за исключением тех рабов, которые были казнены. Возникшая паника вызвала провозглашение немедленной эмансипации, после чего не было ни восстаний, ни какого-либо страха перед ними. Пятьдесят долларов за каждого раба было присуждено хозяевам, которые никогда не переставали роптать на правительство и на негров. Такой переход, конечно, не мог произойти без временных зол и неудобств.

Последствия такой ужасной системы, как рабство, не могут быть внезапно преодолены ни хозяевами, ни слугами. Но с годами улучшение становится все более и более заметным. Джентльмен, пишущий из Сент-Томаса в *"Нью-Йорк Трибюн"*, сентябрь 1854 г., пишет: "Бывшие владельцы постоянно жалуются на невежество, неверие и деградацию негров, по-видимому, совершенно не осознавая того факта, что они сами довели их до такого характера и состояния. Улучшится ли их состояние сразу - это не решающий вопрос, но находятся ли они в таком состоянии, когда есть шанс на улучшение. И, со своей стороны, респектабельность, достигнутая многими цветными людьми в этом городе, а также трудолюбие и способности, проявленные большим количеством людей на различных должностях, таких как ремесленники, клерки, бухгалтеры и государственные служащие, вселяют в меня надежду, которой я никогда раньше не питал, на определенный прогресс африканской расы, где бы они ни избавились от оков рабства и несправедливых социальных предрассудков".

Джентльмен из Бостона, посетивший Санта-Крус весной 1859 года, пишет так: "Вы были бы в восторге от последствий эмансипации, поскольку мы видим их повсюду вокруг нас, имея множество возможностей изучить их. Плата, которую датское правительство установило за добровольный труд, звучит очень низко (пять долларов в месяц). Но искусственные нужды рабочих так малы, а предметы первой необходимости так легко доставляются в это вечное лето, что бережливым и трудолюбивым уже удалось накопить достаточно денег, чтобы построить удобные маленькие дома и обучить своих детей ремеслам. Порок, который всегда поощрялся среди них ради выгоды их хозяев, все еще несет в себе свой яд среди них; но они постепенно обретают супружескую гордость. Благородный молодой епископальный служитель неустанно трудится над их моральным и интеллектуальным возвышением, почти без помощи белого населения, которое холодно взирает на его труды. Прогресс, достигнутый за два года, действительно был удивительным".

В 1857 году голландцы отменили рабство в своих колониях в Вест-Индии. Правительство выплачивало определенную сумму хозяевам и полностью контролировало рабов, которые должны были работать до тех пор, пока не выплатят сумму, авансированную за их свободу. Дети до пяти лет были свободны сразу, и законом были установлены умеренные цены для всего населения рабов, дифференцированные в соответствии с их возрастом. Как только любой раб предлагал оговоренную цену, он становился свободным человеком. Заработная плата также устанавливалась законом; и на случай, если какие-либо плантаторы отказывались подчиняться установленным правилам, создавались сельские поселения, где цветные люди могли найти работу под руководством менеджеров, назначаемых правительством, при помощи коллег, избранных рабочими. Конечно, успех этого эксперимента будет во многом зависеть от хорошего настроения и здравого смысла людей, которые им руководят. У меня нет возможности установить степень финансового процветания голландских Вест-индских колоний с тех пор, как начала действовать эмансипация; но я знаю, что *до отмены рабства они жаловались на "разорение" и просили о "помощи"*. С таким заявлением выступила колония Суринам, находящаяся в рабстве. "Из девятисот семнадцати плантаций шестьсот тридцать шесть были полностью заброшены. На остальных шестидесяти пяти не выращивают ничего, кроме древесины и провизии". Небольшой остаток поместий, не включенных в это описание, был объявлен находящимся на пути к разрушению. Принесет ли бесплатный труд лучшие результаты, покажет время. Но одно уже известно наверняка: переход был совершен в полной безопасности. В 1859 году голландцы отменили рабство во всех своих владениях в Ост-Индии, где оно существовало в сравнительно мягкой форме. В этой сделке была одна очень примечательная и красивая особенность. Правительство предложило хозяевам определенную компенсацию, но *многие из них отказались принять ее, в то время как другие взяли ее и отдали освобожденным рабам, которые столько лет работали без заработной платы*.

История доказывает, что эмансипация *всегда* была безопасной. Это неоспоримый факт, что ни один белый человек никогда не был убит или ранен, или жизни или имуществу не угрожала опасность в результате какого-либо насилия, связанного с немедленным освобождением, ни в одном из многочисленных случаев, когда проводился эксперимент. Напротив, это всегда вызывало чувство безопасности в общественном сознании.

ГЛАВА VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Я обращаюсь к непредвзятым читателям, не убедил ли я на предыдущих страницах в справедливости аргументации в пользу немедленной эмансипации. Я не выдвигал мнений или теорий; я просто констатировал факты. Учитывая эти факты, не несправедливо ли и нерационально упорно называть немедленную эмансипацию "фанатичной" идеей? Оставляя в стороне очевидные соображения справедливости и гуманности, я спрашиваю, не доказал ли опыт, что это показатель простого, практического здравого смысла и разумной политики. Трудность в формировании правильной оценки по этому вопросу возникает главным образом из-за нашей склонности забывать, что негры - это *мужчины*, и, следовательно, ими управляют те же законы человеческой природы, которые управляют всеми людьми. Принуждение всегда вызывает сопротивление; награда всегда стимулирует усилие. Доброта оказывает на

человеческую душу такое же обновляющее влияние, как солнечный свет на землю; и ни одна раса не поддается ее влиянию так сильно и так легко, как негры. Ямайские надсмотрщики, ослепленные давней привычкой считать рабов скотом, сказали им, когда они стали подмастерьями: "Работай быстрее, черный негодяй! или я выпорю тебя". Это взволновало ученика и заставило напомнить им, что у них нет на это силы. Эта реплика привела надсмотрщиков в ярость, и магистрату пришлось наказать рабочего за его дерзость в выражении чувств человека. Плантаторы Антигуа действовали более просвещенно. Они мудро передали свою власть в руки закона. Если им случалось видеть, что рабочий несколько медлит, они говорили: "Мы ожидаем лучшего от *свободных людей*", и это простое обращение к их мужественности, как нам говорили, неизменно ускоряло их движения и одновременно удовлетворяло их чувства.

Свободный труд имеет настолько очевидные преимущества во всех отношениях перед рабским, что потомки будут поражены, обнаружив в истории девятнадцатого века какие-либо упоминания о системе, столь варварской, столь неуклюжей и столь расточительной. Давайте проведем очень краткое сравнение. Раба покупают, иногда за очень высокую цену; в свободном труде нет такого вложения капитала. Рабу все равно, насколько медленно или небрежно он работает; свободный человек заинтересован в том, чтобы выполнять свою работу хорошо и быстро. Рабу безразлично, сколько инструментов он испортит; у свободного человека есть мотив быть осторожным. Одежда раба действительно очень дешевая, но она предоставляется его хозяином, и для него не имеет значения, насколько быстро она изнашивается; наемный рабочий платит за свою одежду больше, но у него есть мотив сделать так, чтобы она служила в шесть раз дольше. Раб старается проводить в больнице как можно больше времени; у свободного рабочего нет свободного времени на то, чтобы болеть. Безнадежная бедность и ощущение того, что с ним обошлись несправедливо, побуждают раба красть у своего хозяина, и он не может потерять общественное положение, потакая этому порыву; для свободного человека гордость характера является мощным стимулом быть честным. Надсмотрщику должно быть выплачено жалованье, чтобы заставить раба работать; свободным человеком движет желание увеличить свою собственность и увеличить комфорт для себя и семьи. Мы должны усомниться в здравомыслии человека, который вынул заводную пружину из своих часов и нанял мальчика, чтобы повернуть стрелки. И все же тот, кто отнимает у рабочих естественный и здоровый стимул в виде заработной платы и пытается заменить его кнутом погонщика, следует столь же иррациональному курсу.

Когда предлагается немедленная эмансипация, те, кто мыслит свободно, склонны сказать: "Но вы бы выпустили рабов на волю против общества?" В таком вопросе нет никакого смысла. Освобожденных рабов удерживают от преступлений те же законы, которые удерживают других людей; и опыт показывает, что сознание того, что они *защищены* законодательством, внушает им *уважение* к законам.

Но из всех распространенных вопросов мне кажется самым абсурдным такой: "Что бы вы *сделали* с рабами, если бы они были освобождены?" Не было бы никакого повода для того, чтобы *что-либо* делать с ними. Их труд нужен там, где они есть; и если белые люди могут ладить с ними, несмотря на все неудобства и опасности рабства, что должно мешать им жить при системе, которая заставляла бы их работать лучше и быстрее, в то время как это отнимало у них всякий мотив к восстанию?

Часто спрашивают: "Каков твой план?" Это очень простой план, но он окажется таким же целебным, как указание пророка: "Пойди умойся и будь чистым". Это просто для того, чтобы стимулировать рабочих заработной платой, вместо того, чтобы гонять их кнутом. Когда этот план однажды будет принят, образование и религиозное обучение, а также улучшения в сельском хозяйстве вскоре последуют сами собой.

Не следует предполагать, что переход от рабства к свободе будет сопряжен с неудобствами. Все изменения в обществе сопряжены с определенными неудобствами либо для классов, либо для отдельных лиц. Даже появление ценной машины на некоторое время нарушает отношения труда и капитала. Но важно иметь в виду, что *какие бы трудности ни сопутствовали освобождению, они будут незначительными и временными; в то время как трудности и опасности, связанные с сохранением рабства, постоянны и постоянно возрастают*. Вы спрашиваете, каким образом это должно быть достигнуто? Я отвечаю. Это, наконец, должны решить законодатели. *Мое дело - использовать всю свою энергию для создания воли к этому; потому что я очень хорошо знаю, что "Там, где есть воля, есть и способ"; и я искренне умоляю всех, кто желает добра своей стране, помочь мне в этой работе.*

ПРИЛОЖЕНИЕ. В КОТОРОМ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРИВЕДЕНЫ К КОНЦУ 1860 ГОДА.

М-р Бигелоу из "*Нью-Йорк Ивнинг пост*", книгу которого часто цитируют на предыдущих страницах, свидетельствует о состоянии британских островов Вест-Индии еще в 1850 году. Десять лет спустя мистер Уильям Г. Сьюэлл из "*Нью-Йорк Таймс*" посетил эти острова и по возвращении опубликовал книгу под названием "Испытание свободным трудом". Она написана в очень откровенном духе и демонстрирует тщательное наблюдение. Он не склонен скрывать, что переход от одной системы труда к другой сопровождается временными трудностями; но он убедительно доказывает, что рабство приносило все большее разорение, а свобода приносит все большее процветание. Мы приводим несколько кратких выдержек:

Импорт. "В период с 1820 по 1834 год Британская Гвиана ежегодно импортировала товаров на сумму 3 700 000 долларов; в 1850 году импорт Гвианы оценивался в 5 660 000 долларов. Ежегодный импорт Тринидада в период с 1820 по 1834 год составлял в среднем 1 600 000 долларов; в 1859 году он оценивался в 3 000 000 долларов. Ежегодный импорт барбадосских товаров за тот же период составлял в среднем 2850 000 долларов; в 1859 году они оценивались в 4 660 000 долларов. Импорт Антигуа за тот же период составлял в среднем 600 000 долларов; в 1859 году он оценивался в 1 280 000 долларов. Общая экспозиция представляет ежегодную импортную торговлю до эмансипации, оцениваемую в 8 840 000 долларов; и оцениваемую в настоящее время в 14 600 000 долларов; или, *превышение импорта при свободной системе на сумму пять миллионов семьсот шестьдесят тысяч долларов.*"

Экспорт. "За четыре года до эмансипации Британская Гвиана экспортировала в среднем 98 000 000 фунтов стерлингов в год. сахара; в то время как с 1856 по 1860 год его среднегодовой экспорт вырос до 100 600 000 фунтов. За четыре года до эмансипации Тринидад ежегодно экспортировал в среднем 37 000 000 фунтов. сахара; в то время как с 1856 по 1860 год его

среднегодовой экспорт вырос до 62 000 000 фунтов. За четыре года до эмансипации Барбадос ежегодно экспортировал в среднем 32 800 000 фунтов. сахара; с 1856 по 1860 год его среднегодовой экспорт вырос до 78 000 000 фунтов. За четыре года до эмансипации, Антигуа экспортировала в среднем 19 500 000 фунтов в год. сахара; с 1856 по 1860 год его среднегодовой экспорт вырос до 24 400 000 фунтов. Общая экспозиция составляет 187 300 000 фунтов. ежегодно экспортировался до эмансипации и составил 265 000 000 фунтов стерлингов. ежегодно экспортируется в настоящее время; или, *превышение экспорта, с учетом бесплатной рабочей силы, в размере семидесяти семи миллионов семисот тысяч фунтов сахара.*

"В экспорте я упомянул только сахар; но если включить в него все остальные статьи торговли и провести сравнение между импортом и экспортом Гвианы, Тринидада, Барбадоса и Антигуа при рабстве и их торговлей при свободе, *окажется, что годовой баланс в пользу свободы уже достиг пятнадцати миллионов долларов по самым низким оценкам*".

"Увеличение импорта следует отнести за счет улучшения положения и увеличения средств крестьянства, появившихся на заре свободы".

ВЛИЯНИЕ СВОБОДЫ НА РАБОТНИКОВ.

"На Барбадосе за последние пятнадцать лет, несмотря на чрезвычайную цену земли и низкий уровень заработной платы, число мелких собственников, владеющих менее чем пятью акрами, увеличилось с 1100 до 3537. Подавляющее большинство из них раньше были рабами. Этот факт говорит о многом. Это, безусловно, свидетельствует о привычках к труду и является заметным противоречием господствующей идее о том, что негр будет работать только по принуждению. Эта идея была сформирована и возвращена на привычках негра как раба. Его привычки *свободного человека*, выработанные под воздействием благотворных стимулов и устоявшиеся со временем, разительно контрастируют с его привычками раба. Никто так не готов, как сами плантаторы, признать, что свободный работник - лучший, более жизнерадостный и трудолюбивый работник, чем когда-либо был раб при системе принуждения. Это мнения людей, которые сами когда-то были яростными противниками свободы и которые все еще стремятся держать трудящиеся классы в полной зависимости; и это мнения настолько универсальные, что я старательно, но тщетно, пытался услышать им опровержение".

"В Сент-Винсенте отчеты за 1857 год показывают, что не менее 8209 человек тогда жили в своих собственных домах, построенных ими самими после эмансипации. За последние двенадцать лет от десяти до двенадцати тысяч акров были обработаны мелкими собственниками, владеющими от одного до пяти акров и выращивающими корень стрелы, провизию и мелкие товары на экспорт. Статистические данные, из которых я черпаю эти цифры, также утверждают, что *на острове нет нищих*."

"В Тринидаде, несомненно, существует определенная доля праздности и бродяжничества среди креольских рабочих; но я не вижу никаких доказательств того, что эти пороки существуют среди них в большей пропорции, чем они существовали бы среди любого другого класса рабочих, находящихся в аналогичном положении. Покидая поместья, подавляющее большинство было движимо желанием улучшить свои обстоятельства и вести более независимую жизнь. Земля была дешевой и изобильной, и они предпочитали иметь свою собственную собственность, а не трудиться за низкую плату в условиях ненадежного рабства.

Вдобавок к этому, образ действий плантаторов в значительной степени способствовал тому самому злу, которого они боялись и от которого впоследствии так жестоко страдали. Вместо того чтобы пытаться либеральными условиями побудить рабочих остаться в поместьях, они вскоре после освобождения ввели систему, предусматривающую меньшую заработную плату и требующую больше работы; и когда рабочие уходили из поместий на полевые работы, их без промедления изгоняли из домов и земель, которые они занимали в поместьях, а их продовольственные угодья были уничтожены. Таким образом, у освобожденных рабочих не оставалось иного ресурса, кроме как отделить себя от интересов земледельцев. Пять шестых из них стали владельцами от одного до десяти акров, которыми они сейчас владеют и которые выращивают для пропитания себя и семей. Чтобы удовлетворить другие потребности, они нанимают случайную рабочую силу в поместья; но сами они свободны от поместий и могут работать на того, кого сочтут лучшим хозяином. Если кто-либо сомневается в том, что очень большое количество, очень поразительное количество освобожденных рабочих стали независимыми собственниками, пусть взглянет на десятки деревень, построенных после отмены смертной казни и так густо разбросанных по культурным районам Тринидада, что с моей стороны было бы излишним указывать на них".

"Антигуа поспешила раньше всех других колоний освободить своих рабов. Она отказывалась верить в добродетели ученичества или в доктрину о том, что ее рабам нужно чистилище, чтобы подготовить их к свободе. Ее правители были мудры для своего поколения. Они предвидели, что с заменой рабского труда бесплатным придется многому научиться и от многого отучиться; что успех новой системы может определяться только временем и опытом; и что ранний старт в гонке - это очко, которое нужно завоевать, а не пренебрегать им. У Антигуа никогда не было причин сожалеть о независимом курсе, который она тогда считала правильным. * * * Улучшение положения крестьянства никогда не подвергалось сомнению на самом острове, и это хорошо видно по характеру и размаху импорта в последние годы по сравнению с его характером и размахом до эмансипации. С 1822 по 1832 год среднегодовая стоимость товаров, импортируемых Антигуа, составляла 130 000 фунтов стерлингов; в 1858 году остров импортировал товаров на сумму 266 364 фунтов стерлингов. В течение десяти лет, предшествовавших освобождению, среднее количество судов, ежегодно заходивших в различные порты острова, составляло 340, а тоннаж - 30 000. В 1858 году количество судов составляло 668, а водоизмещение 42 534. В 1846 году на острове насчитывалось 67 деревень с 3187 домами и 9033 жителями. Все эти деревни были основаны, и все эти дома построены со времен эмансипации. В 1858 году было построено 2000 дополнительных домов, и число жителей деревни возросло до 15 644. В тот же период на острове было всего 299 бедняков. Плантаторы Антигуа признают, что, несомненно, верно, что благодаря введению более дешевой системы оплаты труда остров был спасен в 1834 году от неминуемого разорения".

"Что касается Ямайки, я не хочу сказать, что в поместьях есть что-то похожее на достаточность рабочей силы. Я просто хочу категорически опровергнуть очень общее впечатление, что ямайские негры вообще не будут работать. Девять из десяти полагаются в основном на свое собственное имущество для обеспечения себя и своих семей; но, тем не менее, они готовы работать в поместьях или на дорогах, когда это не мешает выполнять необходимые работы на их собственных землях. Когда выбор лежит между дорогами и поместьями, неудивительно, что они должны выбрать работодателя, который *платит лучше всего и наиболее регулярно*. Негр с Ямайки отдает столько рабочей силы, даже на сахарные плантации, сколько он постоянно может, и не его вина, если он не может отдать достаточно. Это миролюбивые, законопослушные

крестьяне, для которых память о прошлых обидах имела настолько мало веса, что со дня освобождения и по сей день они никогда не мечтали о враждебном объединении ни против своих старых хозяев, ни против правительства, под властью которого они живут; хотя во времена рабства восстания были многочисленными и ужасными. Положение ямайских крестьян в 1860 году является постоянным упреком тем, кто вольно или невольно поощряет вульгарную ложь о том, что африканец никак не может быть возвышен. Беспутные бездельники и бродяги, которые собираются в Кингстоне и других городах, так же отличаются от своих сельских собратьев, как хулиганы Нью-Йорка отличаются от честных фермеров штата".

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЕШЕВИЗНА БЕСПЛАТНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

"Ни один барбадосский плантатор в 1859 году не колебался бы при выборе бесплатной рабочей силы в пользу рабской, поскольку, по его мнению, она была более экономичной из двух. Каждый плантатор на Ямайке знает из своих собственных книг, если они достаточно давние, что свободный труд дешевле рабского. Он знает, что выращивание акра тростника сейчас не обходится ему в 40 долларов, тогда как в другое время это обходилось ему в 80 долларов. Он знает, что при рабстве выкопка акра ям из тростника стоила от 35 до 45 долларов, в то время как при свободе - от 8 до 15 долларов. Он знает, что при одной системе 30 процентов. большая часть его рабочей силы была неэффективна, и ее нужно было кормить и одевать, как остальных; в то время как при свободе не оплачивается ни одна работа, которая фактически не выполнялась. Он знает, что бесплатного работника не покупают и что сумма, в которую он обошелся бы, в противном случае может быть выложена под выгодные проценты. Он знает, что больше нет необходимости делать скидку в размере десяти или даже пятнадцати процентов. на случай смерти или обесценения. Это факты, которые легко признать, и тот, кто возьмет на себя труд подумать, увидит их силу".

"Если бы меня попросили указать на главное препятствие на пути к удовлетворительному решению трудового вопроса в Вест-Индии, я бы без колебаний ответил: отсутствие доверия между работодателем и нанятым. Плантаторы невольно цепляются за обрывки системы принуждения, в которую их когда-то учили верить. Они еще не осознают подавляющих преимуществ совершенно свободного труда, ибо они остановили его развитие, возложив на него некоторые из тяжелейших тягот феодализма и крепостничества. Они, по-видимому, ни на минуту не задумываются о том, что интерес собственника состоит в том, чтобы возвысить, а не унижить своего работника. Они во всем недооценивали негра и слишком верили в его предполагаемую неполноценность. После того как был сделан важный шаг к освобождению, они мало что сделали для того, чтобы обратить его в лучшую сторону".

"Я приехал в Вест-Индию, проникнутый американской идеей о том, что свобода Африки была проклятием для каждой отрасли сельского хозяйства и коммерческой промышленности. Я покину эти острова с совершенно противоположным убеждением. Я отрицаю, что неграм не хватает трудолюбия, когда с помощью труда они могут увеличить свои средства или способствовать своему процветанию. Чем больше я видел, тем больше убеждался, что *долги и нехватка капитала* в гораздо большей степени, чем нехватка *рабочей силы*, привели к отказу от стольких поместий; и всегда помните, что *бремя долгов возникло до того, как свобода подверглась испытанию*. Свобода, когда разрешена честная игра, не нанесла ущерба ни одной из этих колоний. Это спасло их от гораздо более глубокой и продолжительной депрессии, чем любая из тех, которые они когда-либо испытывали. Это было благом, дарованным всем

классам общества; плантаторам и рабочим; торговле и сельскому хозяйству; промышленности и образованию; морали и религии. Если остается достичь абсолютной меры успеха, пусть свобода не подвергается осуждению; ибо препятствия, которые предстояло преодолеть, были велики, а работников было мало и они не желали этого. Если я смогу стимулировать расследование такого важного и столь широко недопонимаемого вопроса, как вест-индский рабочий вопрос, я добьюсь всего успеха, к которому стремился".

ЭМАНСИПАЦИЯ В ВЕСТ-ИНДИИ.

В среду, 20 февраля 1861 г., в Willis's Rooms, Лондон, состоялось публичное собрание, посвященное отчету Э. Б. Андерхилла, эсквайра, и преподобного Дж. Т. Брауна, депутации Баптистского миссионерского общества, об их недавнем визите в Вест-Индию. Чарльз Бакстон, эсквайр, член парламента, занял это место в двенадцать часов.

Председатель сказал, что следует помнить, что во времена рабства все, что производилось на острове, экспортировалось; пища рабов состояла в основном из соленой рыбы и батата, их одежда и жилье были самого жалкого вида. Однако в настоящее время, креолы быстро поднимались в своем социальном и физическом состоянии и в значительной степени присваивали продукты страны для собственного использования. Он не стал предвосхищать доклад депутации, а просто добавил, что, по его мнению, несмотря на все разочарования, эмансипация, вне всякого сомнения, принесла пользу Ямайке, не только добившись замечательных моральных результатов, но и значительно повысив благосостояние острова.

Мистер Андерхилл сказал, что мистер Браун и он сам ближе к концу 1859 года отправились в Вест-Индию. Мистер Браун провел в общей сложности около шести месяцев на Ямайке, а он (мистер Андерхилл) - около года на этом и других островах Вест-Индии; и поэтому заявления, которые они были готовы сделать, были результатом не быстрого и беглого просмотра, а тщательного расследования, проведенного в меру их возможностей. Он не стал бы пытаться произнести речь, рассчитанную на то, чтобы тронуть их чувства; но, изложив им несколько голых фактов, он предоставил бы этим фактам самим рассказывать свою историю. Он должен признать, что при первом же взгляде на вещи у тех, кто утверждал, что эмансипация потерпела неудачу, было кое-что в их пользу. Не может быть никаких сомнений в том, что в отношении Ямайки произошло весьма значительное сокращение экспорта основных продуктов страны. Экспорт сахара, например, сократился с 1 400 000 тонн в 1831 году — за три года до принятия первого Акта об освобождении — до 535 000 тонн в 1858 году. Экспорт рома также сократился с 35 000 пуншей в 1833 году до 18 000 в 1858 году. По кофе сокращение было еще более заметным, поскольку, если в 1830 году остров экспортировал 22 000 000 фунтов, то в 1858 году он экспортировал только 5 250 000 фунтов. Он также должен признать, что при въезде на остров Ямайка представления о его упадке казались очень правдивыми. Высадившись в Кингстоне, можно было увидеть большой город, улицы которого были либо по уши в грязи, либо в песке. Весь город казался прискорбно запущенным, и многие большие склады были совершенно пусты, в то время как нищих и пьяниц было предостаточно. Чувство подавленности еще больше усиливалось при чтении газет или поездке за город. Поместья, некогда процветавшие, были заброшены и не возделывались, а здания во всех направлениях быстро приходили в упадок. Но были одно или два обстоятельства, которые существенно изменили первое впечатление, которое такое положение вещей производило на ум. Во-первых, в то время как Ямайка,

используя любимое выражение, была разорена, Вест-Индия в целом процветала. Любопытным фактом, например, было то, что в то время как экспорт сахара за три года до эмансипации составлял в среднем со всех островов 3 600 000 центнеров, в 1858 году он составил 3 500 000 центнеров, уменьшившись лишь на 100 000 центнеров, или примерно на 2000 бочек. Следовательно, было очевидно, что была какая-то другая причина упадка Ямайки. Затем, что касается кофе, следует помнить, что Цейлон выбросил огромное количество этого товара на английский рынок. Например, в 1839 году Цейлон экспортировал 4 500 000 фунтов. кофе, тогда как шестнадцать лет спустя он фактически экспортировал 56 000 000 фунтов. (Слушайте, слушайте.) Это отчасти объясняет сокращение производства этого товара на Ямайке. Что касается Кингстона, то он также узнал, что вместо того, чтобы быть, как это было когда-то, своего рода центральным рынком на Майне Испании, купцы из различных портов Южной Америки либо останавливались на острове Сент-Томас, либо предпочитали торговать напрямую с Европой, что во многом объясняло появление Кингстона. Следует также помнить, что торговля в Кингстоне перешла от преимущественно оптового характера к розничному, так что, хотя, с одной стороны, она пострадала из-за сокращения первой, она выиграла от увеличения второй. Далее он хотел показать, в каком состоянии находится население Ямайки в целом. На острове проживало 380 000 человек, которые в значительной степени зависели от обработки земли. В прежние времена эти люди были рабами, но теперь превратились в обездоленных крестьян, и было бы только справедливо подумать о том, как эмансипация затронула их интересы. По этому поводу он мог сразу сказать, что их положение во всех отношениях значительно улучшилось. Говорили, что негры - это праздный народ, который сидит на корточках на земле и вполне доволен, если у них есть тыква в пищу. Но это была полная ложь. Первое, что сделали негры, - это в большом количестве покинули поместья. Теперь осталось лишь несколько поместий, в которых они проживали, и в тех случаях плантаторы обращались с ними как со свободными людьми и, следовательно, заручились их расположением и услугами. В большинстве случаев применялась противоположная линия обращения, и это, вкуче с нехваткой капитала для еженедельной выплаты заработной платы, привело к тому, что они ушли. Рабы, которые таким образом покидали поместья, были вынуждены искать другие средства к существованию, но они не "садились на корточки на земле", как утверждалось, то есть селились на ней без уплаты арендной платы. То обстоятельство, что почти каждая пядь земли на Ямайке кому-то принадлежала, делало это невозможным.

Напротив, огромное количество старых рабов приобрели землю, и это был удивительный факт, что в этот момент три пятых обрабатываемых земель на Ямайке были *добросовестной* собственностью чернокожих. (Аплодисменты.) Он держал в руках отчет одной миссионерской общины, и в нем содержались некоторые интересные факты, которые он позволил бы себе процитировать. В этом собрании было семьдесят три главы семейств, из которых шестьдесят два когда-то были рабами, что следует снисходительно учитывать, глядя на прогресс, которого они достигли в искусстве цивилизации и духовной культуре. Нельзя было ожидать, что через двадцать один год все старые чувства, страсти и моральные налеты рабства будут стерты с лица земли. Эти семьдесят три семьи владели в том числе 342 акрами свободной земли и, кроме того, арендовали в среднем по два акра каждая. Среди них было семьдесят лошадей или мулов - собственность, которую негры очень хотели заполучить. Несомненно, эти факты доказывали, что они не были "скваттерами" в том смысле, в каком использовалось это слово. Отчет Ганноверского сельскохозяйственного общества решительно поддержал его в выводах, к которым он пришел в отношении негритянского населения. В этом отчете говорилось, что в

шести округах прихода, насчитывающих четыре или пять тысяч человек, насчитывалось 802 собственника, которым принадлежало около 4200 акров земли, что составляло около пяти с половиной акров на каждую семью. Он оценивал землю, которой владел народ, в 310 шиллингов за акр, что было гораздо ниже, чем он мог бы справедливо оценить. Это составило бы 1 050 000 фунтов стерлингов в качестве цены, которую они заплатили за землю. Но они не только купили землю — они построили на ней дома. Коттеджи, в которых они жили во время рабства, были разрушены, и он был благодарен, что это так. Люди построили для себя дома лучшего класса по цене, которая не могла быть меньше 10 фунтов стерлингов за дом, и он был очень рад сказать, что очень редко можно встретить более одной семьи в одном доме. Это составило по меньшей мере 600 000 фунтов стерлингов. Их мебель оценивалась бы очень умеренно — по 3 фунта за дом — примерно в половину реальной стоимости, что составляло бы дополнительные 180 000 фунтов; а их повозки, лошадей, мулов, свиней и т. Д. Нельзя было бы оценить дешевле, чем в 50 000 фунтов, что, по сути, было намного ниже цены. Следующий пункт был очень интересным, а именно, стоимость сахарных заводов и орудий, используемых при производстве сахара. Только в одной части Ганновера насчитывалось 143 сахарных завода, а на острове Ямайка их было не менее 5000. Эти мельницы были оценены Ганноверским сельскохозяйственным обществом в 10 л. каждая. Что касается их одежды, то они были одеты так же хорошо, как сельскохозяйственные рабочие Англии, и у каждого негра был по крайней мере один, если не два костюма. Неправда, что нравственные и респектабельные люди были ярко одеты. В целом, одежда будет стоить дешево — 1 фунт на душу населения, что составит 380 000 фунтов. Затем, и это последнее, были депозиты в сберегательных кассах на сумму 49 395 фунтов стерлингов. Общая сумма всего этого имущества, накопленного со времени эмансипации, составляла 2 358 000 фунтов стерлингов - оценка, которую он осмелился назвать, была намного ниже намеченной. Конечно, среди них были праздные и оборванные люди, как, впрочем, и во всех странах на земле. Но, в любом случае, было бы очень несправедливо считать Кингстон прекрасным образцом острова. В нем насчитывалось всего 30 000 человек из 380 000 населения, и никогда не следовало судить о народе по меньшинству. Ежегодный объем экспорта с Ямайки, занимающий в среднем три года, составлял 1 057 000 литров, включая сахар, ром, кофе и другие продукты острова, но не следует предполагать, что все это выращивалось белыми людьми. Она могла быть куплена и принадлежать белым, но работа была выполнена черными руками и направлялась черными головами. Он обнаружил, что каждая семья обрабатывала часть земли для себя — скажем, по акру на каждую семью. С акра можно было бы получать от 15 л. до 50 л. в год; он оценил это в 20 л. Вся продукция этого острова составила бы 2 500 000 литров. per annum. Был ли это праздный народ? Его расчеты были проверены очень интересным способом Ганноверским сельскохозяйственным обществом, на которое он ранее ссылался. Это общество оценивало средний заработок каждой семьи в 30 фунтов в год. Число семей составляло 76 000, так что, по данным общества, годовой заработок негров на Ямайке составлял 2 280 000 фунтов стерлингов. Вывод, почти аналогичный его собственному, хотя он пришел к нему с помощью совершенно другого процесса расчетов. Еще одной интересной особенностью стало сокращение импорта соленой рыбы. Во времена рабства батат и соленая рыба составляли основную пищу народа, но теперь возрос вкус к свежему мясу, и многие плантаторы превращали свои владения в загоны для разведения и откорма крупного рогатого скота. Один чернокожий мужчина, который раньше был рабом, но теперь работал мясником в одном из городов, рассказал ему, что на рождественской неделе он зарезал девять голов крупного рогатого скота, и доходность его бизнеса составила 5000 фунтов в год, хотя в том же городе было еще два мясника. В одном городе — городе, который почти

полностью был обязан своим существованием мистеру Ниббу, — каждую неделю забивали от пяти до семи голов крупного рогатого скота. Все это свидетельствовало о том, что люди улучшали свое социальное положение.

Несколько фактов могут оказаться небезынтересными в отношении религиозного состояния людей. Во-первых, они построили 220 часовен, совершенно независимых от Сущестующей Церкви, об их количестве он не смог найти никаких записей. В связи с этими часовнями насчитывалось 53 000 прихожан, или примерно одна восьмая всего населения. Это само по себе было очень отрядным и довольно необычным положением вещей. Число людей, регулярно посещавших эти часовни, составляло 91 000, или примерно четвертую часть населения, а в воскресных школах обучалось около 22 000 детей, или примерно треть детей, способных посещать школу. Наконец, они ежегодно собирали на религиозные цели около 22 000 фунтов стерлингов.

Преступление было редкостью в Вест-Индии — он имел в виду преступление, которое приводило людей в суд. Из опубликованных отчетов он выяснил, что число мужчин, находившихся в тюрьме в 1854 году, составляло 908 человек, в то время как в 1858 году их число составляло всего 600 человек. Это было не очень значительное число для столь большого населения. Люди очень любили абордажные сабли, и вряд ли нашелся бы человек, у которого их не было, но все же вряд ли кто-нибудь когда-либо слышал о том, чтобы абордажная сабля была использована для нанесения увечья другому человеку. Было известно, что мужчины выбрасывали свои сабли, когда ссорились, чтобы у них не возникло соблазна использовать их друг против друга — обстоятельство, свидетельствовавшее о большом самообладании и объяснявшее редкость тяжких преступлений. С момента отмены рабства среди негров росло чувство в пользу брака и возрастало уважение к брачным узам. Правда, это чувство еще не было настолько распространено, как хотелось бы, но миссионеры делали все возможное, чтобы поощрять его. Вопрос образования имел огромное значение в отношении негров. Прогресс, достигнутый на острове в этом отношении, был незначительным, но из переписи, проведенной одним из миссионеров с интервалом в двадцать пять лет, он обнаружил, что если незадолго до освобождения в одном конкретном округе можно было найти только трех негров из 5000, которые умели читать и писать, то при следующей переписи 1700 человек умели это делать. Это свидетельствовало о том, что был достигнут определенный прогресс, но, несмотря на все это, Ямайка больше всего нуждалась в образовании. Вывод, к которому он пришел, заключался в том, что, хотя эмансипация, возможно, и вызвала некоторые трудности у плантаторов, она была несомненным благословением для народа. Он не знал ни единого недостатка или уточнения, которые необходимо было бы внести в это заявление. Если плантаторы продолжат свой нынешний курс, они также извлекут выгоду из общего мира и безопасности в стране, а также из своих собственных возросших денежных доходов. Наконец, он верил, что ситуация на Ямайке теперь изменилась и что обычная предусмотрительность и осторожность могут сделать остров в предстоящие годы еще более процветающим, чем когда-либо в прошлом. Он с искренним удовольствием вспоминал свой визит на Ямайку. Он ушел с глубоким трепетом, но ушел с радостным сердцем, удовлетворенный — как, по его мнению, и была встреча после того, как он изложил ей факты, — что Ямайка не пострадала от эмансипации, но что ее результаты, как для народа, так и для их страны, окажутся высочайшими, благословеннейшими и наиболее благотворными. (Аплодисменты.)

Преподобный Дж. Т. Браун сказал, что он встал с огромным удовольствием, чтобы добавить несколько слов к тем, с которыми его друг и коллега обратился к собранию. Он согласился с утверждениями своего коллеги относительно социальных результатов, которые принесла эмансипация; и он мог бы, если бы у него было время, привести множество фактов в их подтверждение; но, несомненно, на той встрече было много тех, кто чувствовал вместе с ним, что, хотя социальное благополучие людей - это хорошо, все же их религиозное благополучие превыше всего, и что если они не могли принести хороших вестей в этом отношении, они, должно быть, действительно возвращались домой с тяжелым сердцем. Одним из источников трудностей в оценке состояния Ямайки был тот факт, что ложные сообщения об этой земле распространялись разочарованными плантаторами, фанатиками, умными писателями и обескураженными миссионерами. То, что решила сказать по этому поводу газета *Times*, было в значительной степени безразлично, потому что каждый знал, какую ценность этому придать; но когда он увидел утверждение, столь же совершенно не соответствующее действительности, как то, что содержится в "Британской энциклопедии", — он не обвинил автора в умышленной лжи, — он был по-настоящему опечален. Это заявление сводилось к тому, что во времена рабства несогласные священники обладали большим влиянием на негров, но теперь последний предпочитал Официальную Церковь, потому что это ничего ему не стоило, хотя, на самом деле, его мало заботило ни то, ни другое. Это было полное искажение. (Громкие аплодисменты.) Одним из последних, кто внес свой вклад в это популярное заблуждение, был умный писатель-беллетрист мистер Троллоп, который заслуживает того, чтобы его называли писателем-беллетристом, не только как автора "Башен Барчестера" и "Пасторского дома Фрамли", но и книги, которую он опубликовал о Вест-Индии. ("Слушайте, слушайте" и смех.) Всякий раз, когда люди на Ямайке хотели изобразить вспыльчивого, предвзятого и упрямого человека, — того, кто судил о религиозной организации так же поспешно, как мистер Троллоп судил о баптистах, — который предпочел бы танцевать с евреем, чем молиться с баптистом, когда они хотели говорить о человеке с вспыльчивым и предвзятым характером, который смотрит только с одной стороны вопроса, бегают и прыгает по стране, — того, кто, по сути, совершенно не заслуживал доверия, — они говорили о нем, что он "Троллопничал". (Смех.) Именно такое имя мистер Троллоп дал такому персонажу на Ямайке. Но факты есть факты, и, хотя мистер Троллоп признавался в своей нелюбви к статистике, некоторые из них были очень упрямыми, которые бросали ему вызов. Во-первых, люди вели себя упорядоченно — хорошо управлялись и вели себя прилично; люди и имущество на острове были в полной безопасности, а серьезные преступления совершались очень редко. Брачные узы уважались, и дети уважали своих родителей. Это были факты, которые резко контрастировали с ужасным состоянием общества до эмансипации. И снова религиозная статистика страны громко высказалась в пользу эмансипации. Они в значительной степени покрывали расходы на религиозное богослужение, и многие регулярно посещали "Средства благодати". Европейские несогласные министры на острове получили по 150 фунтов стерлингов в год, а местным проповедникам, которых было шестнадцать, — от 100 фунтов до 120 фунтов в год. На острове насчитывалось семьдесят семь церквей, связанных с баптистским корпусом; в их число входили 20 000 прихожан и 2000 встревоженных вопрошающих; и хотя временами имели место случаи ложного исповедания и отступничества, тем не менее дисциплина в церквях была хорошей, и их общее состояние во многих отношениях служило хорошим примером для христианских общин дома. Он не мог также не воздать должное дьяконам и пресвитерам, которые в целом были прекрасной группой христианских учеников и истинными помощниками в служении. Он знал, что на острове царит большое ментальное невежество, но даже в этом отношении его состояние существенно

улучшилось после эмансипации. Он хотел бы, чтобы многие из тех, кто сейчас слушает его, послушали речи некоторых негров—христиан на некоторых их собраниях на Ямайке и отметили сильный здравый смысл и большой интеллект, которые неуклюже срывались с их уст; или могли бы услышать их молитвы, в которых прекрасные мысли и ясные и святы устремления пробивались сквозь их прерывистую речь - признаки умственной силы, которую нужно только развивать, и которая даже сейчас вызывает уважение.

Затем преподобный Уильям Артур вынес следующую резолюцию:—

"Что это собрание с большим удовольствием выслушало удовлетворительный отчет делегации Баптистского миссионерского общества о результатах эмансипации в Вест-Индии и, в частности, на Ямайке, и о прогрессе, достигнутом негритянским населением в развитии цивилизации, интеллекта и благочестия, и считает великий акт освобождения 800 000 рабов справедливым сам по себе, что в полной мере подтверждается сопутствующим ему успехом".

Он счел для себя настоящей честью, что его попросили внести эту резолюцию, и поздравил Баптистское миссионерское общество с отправкой столь умелой делегации в Вест-Индию. Их доклад был чрезвычайно важным, и тем более на данном этапе, когда внимание народа Америки было с тревогой приковано к результатам эмансипации в Вест-Индии, и особенно на Ямайке. У "Друзей свободы" были основания быть глубоко благодарными мистеру Андерхиллу за его тщательное и всестороннее расследование реального положения дел.

Преподобный Эдвард Мэтьюз, поддерживая резолюцию, сказал, что он может засвидетельствовать на основании своего собственного опыта в штате Огайо, что факты, представленные депутацией, будут иметь большое влияние в Америке и помогут продвигать там дело эмансипации.